

7/74

ЛОВЕЧНИК

© «Ровесник», 1974 г.

На первой странице обложки: IV традиционный Международный фестиваль политической песни в Берлине. На сцене — чилийский ансамбль «Инти Иллимали».

Фото «НБИ» (ГДР)

2. 50 ЛЕТ С ИМЕНЕМ В. И. ЛЕНИНА
6. ТРИ ИНТЕРВЬЮ О ВЕРЕ, НАДЕЖДЕ, ЛЮБВИ
8. С. Милин. ПЕРЕД НАЧАЛОМ
10. АФИНСКИЙ ДНЕВНИК
14. Фред Бранфмен. ТХИ МАН ЕЩЕ В ТЮРЬМЕ...
17. Рышард Вуйчик. ЛЮДИ У СЛИПА
20. Эрих Куби. СУПЕРМАРКЕТ ДЛЯ МАЛЕНЬКОГО СЧАСТЬЯ
21. Э. Баталов. «СОН С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ»
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ. Имре Черхалми. ПОДРОСТКИ. Альфред Госини. САГА О ДЫРКАХ

N7

Июль, 1974 год

МОСКВА. В вузах нашей страны в минувшем учебном году обучалось около 39 тысяч иностранных студентов и аспирантов из 130 стран мира. Кроме того, 15 тысяч зарубежных юношей и девушек проходят в СССР различного типа краткосрочные курсы и стажировку.

МИНИМАТА. Многие жители этого японского городка вышли на улицы, неся в руках семейные фотографии с траурными лентами. Виновник гибели этих людей — химический концерн «Хиссо», чей завод десятки лет сбрасывает в бухту рядом с 50-тысячным городом отходы, содержащие ртуть. Вместе с рыбой, крабами, устрицами — главными пищевыми продуктами в Минимате — ртуть перекачивается на стол местных жителей. Женщины Миниматы стали страшиться материнства — уже достаточно много детей явилось на свет без слуха и зрения, с деформированными конечностями. Протесты населения Миниматы, поддержанные общественностью страны, еще в 1968 году заставили хозяев концерна «Хиссо» соорудить очистительную установку. Но они по-прежнему отказываются удалить со дна бухты сваленные туда отбросы, содержащие, по расчетам, до 400 тонн ртути.

На снимке: эти люди — дети и взрослые — умерли от отравления ртутью.

ПАРИЖ. Согласно данным ЮНЕСКО количество названий издаваемых в мире книг за последние 15 лет удвоилось. Если в 1955 году их было 285 тысяч, то в 1971-м уже 548 тысяч. На первом месте по количеству издаваемых ежегодно книг находится СССР (более 84 тысяч), затем США (80 тысяч), ФРГ (40 тысяч), Япония (31 тысяча), Франция (22 тысячи).

На земном шаре выходит 8050 газет, их ежедневный тираж 389 миллионов экземпляров.

Во всех странах мира в начале 70-х годов было в совокупности 248 тысяч кинотеатров на 78 миллионов мест. Таким образом, на каждую тысячу жителей планеты приходится 27 мест. Количество радиоприемников составляло 728 миллионов (200 на каждую тысячу) и телевизоров 261 миллион (70 на тысячу).

ПРАГА. На Кубу отправилась очередная, пятая по счету, молодежная производственная бригада имени чехословацко-кубинской дружбы. В ее составе молодые инженеры, слесари, электрики, сварщики. По соглашению между ЦК ССМ Чехословакии и Союзом молодых коммунистов Кубы, которое получило поддержку соответствующих министерств двух стран, чехословацкая бригада участвует в реконструкции предприятия по переработке никелевых руд в местечке Нигаро.

На снимке: участники бригады.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:
ОЧЕРКИ И ИНТЕРВЬЮ
ГОСТЕЙ XVII СЪЕЗДА ВЛКСМ
О БЕРЕ В СВОБОДУ, ПОБЕЖДАЮЩЕЙ
В ПОРТУГАЛИИ;
О НАДЕЖДЕ НА СВОБОДУ,
РАСТОПТАННОЙ В ГРЕЦИИ;
О ЛЮБВИ К СВОБОДЕ, НЕ СЛОМЛЕННОЙ
В САЙГОНСКИХ ЗАСТЕНКАХ.

ВАШИНГТОН. Верховный суд США отклонил предложение Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения принять решение, которое бы обязало власти штата Теннесси ввести совместное обучение белых и негритянских детей в школах города Мемфиса, где 20 тысяч негритянских детей до сих пор учатся в сегрегированных школах.

АНТВЕРПЕН. Бастовавшие два месяца докеры крупнейшего порта земного шара (100 километров причалов, 18 тысяч судов в год) вернулись на свои рабочие места, добившись повышения заработной платы. Победа докеров одержана в условиях обострения классовых противоречий в стране. Так, за три месяца цены на продукты питания поднялись здесь на 13 процентов. В начале года впервые за последние пять лет число полностью безработных превышало 100 тысяч человек. Газета «Ла сите», ссылаясь на результаты исследований университета «Гандава», говорит между тем о значительном росте доходов предпринимателей при снижении реальных доходов трудящихся.

Неудивительно, что значительную часть своих требований трудовая Бельгия обращает к иностранным монополиям — 70 процентов населения Антверпена работает на предприятиях «Дженерал моторс», «ИТТ», «Форд» и других.

На снимке: пикетчики в порту Антверпена.

ВСЕМИРНЫЙ
МОЛОДЕЖНЫЙ
ТЕЛЕГРАФ

СТОКГОЛЬМ. 10 тысяч шведов с законченным высшим образованием занимают не соответствующие их квалификации должности либо вообще не могут найти работы. Проблема обостряется еще и тем, что получаемая за время обучения стипендия должна быть выплачена по окончании учебного заведения.

До 1980 года дипломы получают 120 тысяч молодых шведов. Однако по самым оптимистическим прогнозам только каждый третий молодой человек с высшим образованием сможет найти работу по специальности и квалификации.

БЕРЛИН. 10 лет тому назад в ГДР возродилась традиция праздников, знаменующих вступление молодых людей 14 лет в возраст гражданской зрелости. Впервые такие праздники стали проводиться еще в 20-е годы, их инициаторами были коммунисты. В помещениях местных советов, театров, дворцов культуры молодым людям вручаются памятные сувениры, специальные дипломы и первые в жизни паспорта. Их приглашают посетить предприятия, где работают родители, знакомят с производством.

Торжественные собрания нынешнего года, года 25-летия ГДР, проходят в рамках кампании «Инициатива ССНМ — юбилею республики».

МОГАДИШО. 140 молодых слушателей закончили трехмесячные курсы основ научного социализма. За время обучения они познакомились с работами классиков марксизма-ленинизма, с принципами государственного планирования, с вопросами новейшей истории и текущей политики. Сомалийский министр по вопросам труда и спорта Абдулазиз Нул Херзи в своем выступлении подчеркнул высокое значение курсов и пожелал их выпускникам успехов в практической работе.

ХАНОЙ. Премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг принял популярную американскую киноактрису и общественную деятельницу Джейн Фонда и ее мужа Тома Хэйдона, отснявших документальный фильм о Вьетнаме. Джейн Фонда и Том Хэйдон заявили, что они преисполнены решимости нести людям правду о борьбе вьетнамского народа за прочный мир, за претворение в жизнь Парижского соглашения.

КОНАКРИ. Сеть школ-интернатов открыта в освобожденных районах молодой республики Гвинея-Бисау. Ныне в этих районах учатся 50 тысяч детей; растет число больниц и медицинских пунктов, налаживается торговля.

На снимке: занятия в школе-интернате.

50 ЛЕТ С ИМЕНЕМ В. И. ЛЕНИНА

Фото VI съезда комсомола (из архива ЦК ВЛКСМ).

Фото XVII съезда комсомола. В. ЧЕИШВИЛИ.

Людей, которых вы видите в верхнем ряду и в нижнем, отделяют друг от друга пять десятилетий. Мы теперь можем видеть себя и их, но и они видели нас, только в мечтах, и у нас есть счастливая возможность, листая документы прошлого, понять, какими они хотели нас видеть...

Только что на первом торжественном заседании VI съезда РКСМ они решили присвоить комсомолу имя Ленина и записали: «С гордостью взял себе союз это славное имя с полным сознанием той великой ответственности, которую оно возлагает на него...» «Не для красного словца, не

из желания носить лучшее из всех имен, не только для того, чтобы почтить уважением память великого усопшего, приняли мы это решение. Нет, мы приняли его для того, чтобы вся трудящаяся молодежь всех народов, населяющих СССР, вместе со своим передовым отрядом — Коммунистиче-

ским Союзом Молодежи — прониклась единой волей и твердой решимостью научиться по-ленински жить, работать и бороться, осуществлять заветы, оставленные нам Лениным».

Их было 822 тысячи — членов РКСМ, нас — 34 миллиона. Они стояли в начале, являлись этим

началом. «И сегодня, — как сказал в своей речи на XVII съезде комсомола товарищ Л. И. Брежнев, — обозревая пройденный комсомолом путь, его славные дела, мы имеем все основания сказать, что он с величайшим достоинством носит высокое имя Ленинского союза молодежи».

XVII СЪЕЗДУ ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза горячо приветствует делегатов XVII съезда ВЛКСМ, весь комсомол — тридцатичетырехмиллионную армию молодых ленинцев.

Исполняется пятьдесят лет с того исторического момента, когда VI съезд РКСМ провозгласил, что комсомол с величайшей гордостью и ответственностью принимает имя Ленина и будет свято выполнять бессмертные ленинские заветы. Центральный Комитет КПСС с глубоким удовлетворением отмечает, что на всех этапах социалистического и коммунистического строительства, всегда и всюду, в труде и ратном деле, в овладении высотами знаний, выработанных человечеством, всей своей плодотворной деятельностью комсомол доказал непоколебимую верность заветам великого Ленина, идеалам коммунизма.

Советская молодежь представляет большую силу в борьбе за осуществление намеченной XXIV съездом КПСС величественной программы социально-экономического развития нашей страны. Юноши и девушки Страны Советов новыми замечательными делами отвечают на Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу, проявляя творческую инициативу и смелый почин, показывая образцы высокопроизводительной работы. Родина высоко ценит самоотверженный, вдохновенный труд молодого поколения. Большая группа молодых ударников девятой пятилетки награждена орденами и медалями, а лучшие из лучших удостоены звания Героя Социалистического Труда.

В современный период для комсомола и молодежи нет более важной и ответственной задачи, чем активное участие во всенародном социалистическом соревновании за перевыполнение плана 1974 года, за успешное завершение пятилетки. Партия призывает юность страны еще настойчивее вести борьбу за ускорение роста производительности труда и повышение эффективности общественного производства, улучшение качества продукции, интенсификацию и индустриализацию сельского хозяйства.

Широко поприще для применения неиссякаемой энергии и энтузиазма молодежи, ее героических свершений открывают такие новые величественные задачи, поставленные партией, как подъем сельского хозяйства нечерноземной полосы РСФСР, строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и другие важные стройки.

Надежным компасом в работе комсомола по коммунистическому воспитанию молодежи был и остается ленинский наказ учиться коммунизму. В условиях научно-технической революции он приобретает еще большее значение. Комсомол призван в полной мере использовать растущие возможности со-

циализма для всестороннего развития молодого поколения, соединяя учебу и воспитание с практическим участием молодежи в коммунистическом строительстве. Предметом постоянной заботы комсомола должно быть трудовое воспитание юношей и девушек, формирование у них коммунистического отношения к труду, потребности систематически повышать свое образование, культурный и профессиональный уровень, овладевать новейшими научными и техническими знаниями.

Возросшие масштабы коммунистического строительства, задачи воспитания нового человека и идеологической борьбы на современном этапе настоятельно требуют дальнейшего совершенствования идейно-политической работы комсомола. Главное заключается в том, чтобы обеспечить глубокое изучение членами ВЛКСМ, всеми юношами и девушками марксистско-ленинской теории, выработку у них коммунистической убежденности, классового самосознания, непримиримости к буржуазной идеологии, воспитание в духе верности революционным, боевым и трудовым традициям Коммунистической партии и советского народа. Необходимо, чтобы марксистско-ленинское образование способствовало повышению трудовой и общественно-политической активности молодого поколения, глубокому пониманию законов общественного развития.

Задача комсомола — добиваться, чтобы требования морального кодекса строителя коммунизма стали нормами повседневного поведения каждого молодого человека. Комсомолец призван показывать пример высокой нравственности, неуклонно соблюдать правила социалистического общежития, бескомпромиссно бороться с нарушением норм коммунистической морали. Комсомольские организации должны и впредь целеустремленно воспитывать у юношей и девушек коллективизм и заботу о товарищах, дисциплинированность, честность и порядочность, скромность и уважение к старшим.

Важная роль принадлежит комсомолу в решении задачи гармонического развития духовных и физических сил молодежи, широкого развертывания массового физкультурного движения, подготовки ее к труду и обороне. Следует и впредь всемерно укреплять шестские связи с Советской Армией и Военно-Морским Флотом, совершенствовать военно-патриотическую работу.

Священный завет Ленина комсомолу — воспитывать юношей и девушек в духе нерушимой дружбы народов Союза Советских Социалистических Республик, социалистического интернационализма. Необходимо еще активнее развивать братское сотрудничество советской молодежи с молодым поколением стран социалистического содружества, солидарность с прогрессивной моло-

дежью планеты, со всеми, кто борется за идеалы мира, демократии и социализма.

Партия дала комсомолу ответственное поручение — быть коллективным вожатым Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Это обязывает комсомол воспитывать у юных ленинцев преданность делу партии и коммунистическим идеалам, горячую любовь к нашей социалистической Родине, уважение к труду, жажду знаний и стремление участвовать в общественно полезных делах. Надо, чтобы каждый пионерский отряд жил кипучей, увлекательной жизнью, вместе с учителями прививал юным ленинцам высокую культуру поведения, развивал у них самостоятельность, являлся школой воспитания советской гражданственности.

Стоящие перед ВЛКСМ задачи требуют усиления всей внутрисоюзной работы, дальнейшего укрепления первичных комсомольских организаций, комсомольских групп, развития активности, инициативы и сознательной дисциплины комсомольцев. Комсомол должен постоянно учиться у партии умению критически оценивать достигнутое, не обольщаться успехами, вовремя обнаруживать и устранять недостатки в работе. Комсомольские активисты призваны настойчиво овладевать ленинским стилем работы, их должны отличать целеустремленность, принципиальность, высокое чувство ответственности, единство слова и дела.

Верная ленинским традициям, партия и впредь будет проявлять неустанную заботу о дальнейшем повышении уровня работы комсомола по коммунистическому воспитанию молодежи, еще более активном его участии в хозяйственном, культурном и государственном строительстве.

Центральный Комитет КПСС выражает твердую уверенность, что молодая гвардия рабочего класса и колхозного крестьянства, молодые ученые, специалисты, работники сферы обслуживания, студенты и школьники, учащиеся техникумов и профессионально-технических училищ, воины Вооруженных Сил — все комсомольцы, все советские юноши и девушки впишут новые славные страницы в историю борьбы советского народа за коммунизм, будут и впредь верны клятве «Жить, работать и учиться по-ленински!».

Да здравствует Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи — боевой помощник и надежный резерв партии!

Да здравствует замечательная советская молодежь!

Под руководством Коммунистической партии вперед, к торжеству коммунизма!

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

ИЗ РЕЧИ ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА НА XVII СЪЕЗДЕ ВЛКСМ

Товарищи! Вы, сидящие в этом зале делегаты съезда, представляете то поколение советских людей, которое родилось и выросло под мирным небом. В этом мы видим один из важнейших результатов ленинской внешней политики, которую последовательно проводит наша партия, страна и все социалистическое содружество.

Борясь за осуществление Программы мира, провозглашенной XXIV съездом КПСС, преодолевая противодействие реакционных сил — от империалистических кругов до маоистского руководства, — мы неуклонно, шаг за шагом идем трудной дорогой разрядки международной напряженности.

Принципы мирного сосуществования все глубже входят в практику международных отношений, отодвигая угрозу ядер-

ной катастрофы. Такое развитие событий отвечает коренным интересам человечества, создает наиболее благоприятные условия для борьбы за общественный прогресс, социальное и национальное освобождение народов.

Внешнеполитический курс нашего государства называют мирным наступлением. И, пожалуй, с этим можно согласиться. Наступление предполагает активность действий, неуклонное стремление двигаться вперед и развивать достигнутые успехи. Мы будем продолжать это самое благородное наступление во имя жизни на земле, во имя счастья наших детей, во имя настоящего и будущего человечества. **[Продолжительные аплодисменты].**

На нынешнем этапе развития с еще большей очевидностью обнажилась духовная несостоятельность современного капи-

талистического общества. Все сильнее дают себя знать социально-экономические противоречия империализма. Система государственно-монополистического капитализма усиливает социальное неравенство, подавляет творческие возможности людей, и особенно молодого поколения, отстраняет его от активного участия в общественной жизни.

Перед молодежью капиталистических стран во весь рост встает проблема выбора, определения своих позиций по острейшим вопросам современности: войны и мира, путей развития общества, использования достижений науки и техники, назначения искусства и литературы, смысла своей жизни и деятельности. Широкие слои трудовой молодежи отвергают мораль буржуазного общества, все смелее выступают в рядах антиимпериалистического движения, возглавляемого рабочим классом.

Трудно переоценить значение деятельности комсомола и ваших сверстников в социалистических странах для трудовой и всей прогрессивной молодежи всего мира. Вы полноправные граждане страны социализма. Ваш активный творческий труд на благо общества, наполненный глубоким содержанием и высокими помыслами жизнь являются замечательной агитацией за бессмертное дело Ленина. **[Аплодисменты].**

С большим удовлетворением отмечаем мы укрепление вашего сотрудничества с юношами и девушками социалистических стран, рост авторитета комсомола в молодежном движении. Тесная связь, совместные действия, братская дружба с комсомолом и всей молодежью социалистических стран — это, я бы сказал, один из важнейших принципов в работе комсомола.

Организации молодежи социалистических стран представляют ныне большие отряды юношей и девушек. Это ваши друзья, ваши союзники и единомышленники по борьбе. Коммунистические партии стран социализма всемерно поддерживают молодежное движение, проводят огромную работу по воспитанию молодого поколения. Мы это знаем и высоко ценим. **[Аплодисменты].**

Молодежные организации социалистических стран высоко ценят дружбу с нашим комсомолом, видят в ней животворный источник своего организационного и идейного роста, важнейший фактор марксистско-ленинского воспитания молодежи своих стран.

За последние годы значительно расширились и окрепли связи комсомола со многими прогрессивными и демократическими молодежными организациями всех континентов мира. Это, несомненно, имеет большое значение в деле дальнейшего укрепления антиимпериалистической солидарности различных отрядов международного молодежного движения, активно участвующих в борьбе народов за мир, национальную независимость и социальный прогресс. Надо и впредь находить основу для совместной работы со всеми, кто искренне заинтересован в развитии взаимопонимания и сотрудничества молодежи разных стран во имя ее лучшего будущего. **[Аплодисменты].**

Разрешите пожелать вам успехов в этой благородной деятельности. Будьте всегда достойными высокого звания молодых строителей коммунизма, интернационалов-ленинцев, борцов за мир, свободу и социальный прогресс! **[Бурные аплодисменты].**

ТРИ ИНТЕРВЬЮ О ВЕРЕ,

АННА И МАРИО

— Вот смотрите. Эти фотографии для Португалии необычны. Вот митинг в Лиссабоне, а это в Порто, Вила-Франка, Торшуде.

— Тут видны лозунги...

— Да, да. Сейчас переведу. «Зарплата, работа, цены!» А здесь — «Амнистию политическим заключенным!», «Против репрессий!», «Свободу собраниям и ассоциациям!»

— А о войне нет?

— Нет, говорить о ней запретили власти. Вот, к примеру, газета с фотографиями о митинге в Лиссабоне. Я была на нем и знаю, что он был разогнан спустя пять минут после начала едва только кандидат стал говорить о колониальной войне. Или вот фото другого митинга, который мы организовали в столице. В нем участвовало три тысячи человек, и многие из них были арестованы или оказались в больнице.

— Вы кого-нибудь узнаете на этих снимках?

— Нет, нет.

Анна говорит свое «нет» быстро, как-то автоматически. Я уже понял, что португальский язык — быть может, самый иностранный среди иностранных. Мы, правда, говорим с Анной по-английски, но португальский акцент в нем силен: привычные понятия обретают свой особый, «португальский» смысл. Выборы, которые состоялись в октябре 1972 года и о которых говорила Анна, были не просто выборами. Еще до своего окончания они стали победой единого демократического фронта, поскольку впервые за долгие годы фашистское правительство Каэтану официально «разрешило» оппозицию — не смогло не разрешить. Эти выборы были фарсом, поскольку в конечном итоге власти допустили к голосованию лишь 1800 тысяч тщательно отобранных избирателей при общей численности населения (включая колонии) в 23 миллиона человек, так что результат их был predetermined заранее. И все же они стали победой народа, поскольку показали мощь общенационального движения (в предвыборных манифестациях участвовало 200 000 человек!) и приблизили свержение фашистского режима.

— Вот вы сказали «митинг, который мы организовали». Мы — это значит коммунисты?

— Да! — и глаза Анны блестят торжеством. — Понимаете, какая тогда сложилась ситуация. Фашизм для того, чтобы поддержать видимость демократичности выборов, разрешил проводить собрания, митинги, выступления. Для нас это открыло возможность для активной деятельности. Оставаясь по-прежнему на нелегальном положении, коммунисты вместе с социалистами и католиками выдвинули свои лозунги, главный смысл которых — долой фашизм, долой колониализм! Давайте я вам переведу хотя бы отрывок из речи на одном из таких собраний. Вот... «Мы выступаем против тех, кто наживается на войне, стоящей народу 62 миллиона в скудо в день (это около двух миллиардов долларов в год, поясняет мне Анна, почти половина всего бюджета страны). ...Враги народа говорят, что в интересах нации не обсуждать такие проблемы. И мы согласны с ними: нам надо не обсуждать, а бороться с ними...» Ну а дальше тут сказано: «Собрание на этом по приказу полиции было закрыто».

— Это ведь не подпольная газета?

— Нет, в те дни такие отчеты печатали либеральные газеты. Правда, теперь газет этих не найдешь — они уничтожены. А вот эта наша газета, коммунистов.

— Вы знаете тех, кто работает в ней?

— Нет.

— Ну а как она попадает к вам?

— Попадает... А вот наши листовки. Эта с обращением «Молодежь говорит «нет» войне!», а эта листовка рассказывает о жизни в Советском Союзе. Мы ее распространяли 7 ноября.

— Как вы это делали?

— Главное здесь быстрота. Выбираем угол улицы или площадь, выставляем наблюдателей и минут за пять раздаем прохожим листовки. Потом меняю место.

— Значит, вы, члены партии, молодые коммунисты, знаете друг друга?

— Я знаю только нескольких, немногих товарищей.

— Как же строится ваша работа?

— Я не могу говорить об этом.

— Даже теперь? Ведь позавчера, 25 апреля, в Лиссабоне, в Португалии фашизм был свергнут.

— Видите ли, информация пока очень скудная. Сегодня ясно для меня только одно — появились новые условия для легальной работы, и мы их будем использовать...

— Ну хорошо, Анна. Тогда расскажите, пожалуйста, о себе. Кстати, вас ведь не Анной зовут?

— Конечно. А все, что я могу рассказать, — это не для печати. Разве только вот такую деталь, если она вам интересна. Я студентка, учусь на медицинском, я, как член партии, веду работу в основном среди студентов...

— А ваш товарищ по делегации Марио Вальес? — я спросил об этом Анну, а не самого Марио, присоединившегося к нашей беседе, поскольку по-английски не говорил он, а по-португальски я.

— Марио из рабочих и в партии ведет работу с молодыми рабочими.

— И Марио, конечно, не Марио.

— Но, — ответил он сам, и я почувствовал, что начинаю понимать по-португальски.

— Извините, ребята, мою назойливость, но вы друг к другу-то как обращаетесь, по настоящим именам?

— Но. Мы их не знаем. Я, кстати, с Марио только в дороге познакомилась и знаю о нем только то, что вам сказала. Да и он обо мне не больше, хотя, пожалуй, стал догадываться, в каком я городе живу.

— Ну а как вы дома общаетесь с близкими друзьями?

— Они знают наши взгляды, они могут догадываться, кто мы, но не больше. Ну и потом — друзья есть друзья. Друг не должен предать.

— Раз уж мы заговорили о вашем доме... Давайте представим себе, что сейчас за окном не московский вечер, а, скажем, лиссабонский. Тепло, рядом плещется Тахо...

— Мы произносим — Тежу.

— Сложный язык португальский... Так вот, куда бы вы пошли сегодня вечером? Вот вы, Анна?

— Наверное, осталась бы в университете с друзьями.

— ?

— Мы любим наши разговоры.

— А вы, Марио?

— Я? Если нет на вечер никаких заданий, то остался бы дома. Лишний раз бол-

таться на улице рискованно. Да и дома дел хватает. Надо учиться...

— Последний вопрос: ваше главное впечатление от съезда?

— Главное? Главное — это горячая душа, заинтересованность молодых советских людей во всем, что они делают. Мы поражаемся, насколько близко к сердцу они принимают наши проблемы. Хотя мы так далеки...

КОСТАС Гостиница «Юность», вечер... Он сидит в кресле в свободной

позе человека, знающего наверняка, как он будет отвечать на любые вопросы и в любой ситуации. Он молод, общителен, и мне сказали, чтобы я называл его Костасом.

— Я родился в 1952 году, — говорит он. — В Салониках.

— Расскажите о вашем доме, о родине, — предлагаю я. — Пусть это будут ваши монологи о Греции.

— Греция есть Греция...

— Вы считаете, что этим все сказано?

Костас улыбается:

— Да, потому что это прекрасная страна... Вот уж скоро первое мая, а в Москве, смотрите, холодно, даже не зазеленели деревья. А у нас как раз время, когда на улице можно жить совсем как в доме. И вечером всегда знаешь, где искать своих друзей. Салоники куда меньше Москвы, потому всегда известно, где, в каком кафе и кого из друзей можно найти... Но это я о тепле. Наверное, тепло всегда ясней и лучше вспоминается, чем ощущается. То есть в воспоминаниях оно, наверное, лучше греет. Однако мои самые сильные впечатления детства не связаны с теплом. Не ошибусь, если назову их политическими. Это был арест моего родственника. Его забирали прямо из дома, мне было пять или шесть лет. Помню, как какие-то люди, очень чужие — знаете, как остро это у ребенка, ощущение чужого, злого — так вот, они входят, выходят. И все это страшно неестественно, грубо, какими-то странными группами... И шум.

— Почему вы поняли, что это арест?

— Было плохо.

Костас пытается определить, когда и как для него это ощущение неблагополучия в доме стало ясным ощущением неблагополучия в стране, и неожиданно мы говорим о школе. И об истории.

— Мы начинаем заниматься историей в первом классе, когда нам семь лет, — говорит он. — Теперь представьте, как этот маленький человек, но в семье которого, на его глазах, уже арестовывали родственника, идет в школу государства, которое и арестовывало. Над этим уже можно размышлять, даже очень. Хотя это только мой пример, собственный. Но были и другие — у каждого свои — и они приводили к одному, к конфликту. И он не разрешался. Вернемся к истории. Историй, собственно, несколько, как несколько Греций... Есть Греция Гомера. Она так же далека от меня, как, думаю, и от вас. Это красивая, жестокая и нездешняя история — история мифов. Есть другая. История нашей революции 1821 года, которая и привела к образованию нового греческого государства. Мы же в школе практически не учим новую историю, потому что ее серьезное изучение не в интересах стоящих у власти. Новая же история — это, собственно, история того, как буржуазия продала Грецию иностранцам.

НАДЕЖДЕ, ЛЮБВИ

ГОВОРЯТ ГОСТИ XVII СЪЕЗДА
ВЛКСМ ИЗ ПОРТУГАЛИИ, ГРЕЦИИ,
ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА.

А с другой стороны — это история борьбы за демократические права и свободы. И эта история не может найти своего настоящего отражения в стране, живущей в условиях фашистской диктатуры.

— Как же происходит знакомство с настоящей историей?

— Это может происходить и в семье, особенно вначале. В родной семье или в семьях друзей, которым доверяешь. В Греции, кстати, очень развиты семейные связи. Этот опыт как раз и дает детям рабочих, крестьян знание настоящей истории, которое потом велит им не верить всем остальным официальным историям.

— Как пришло это понимание к вам?

— Я не могу определить этот приход точно во времени. Это был продолжительный процесс. Моя семья была семейством левых, мои родители были членами партии, они и сейчас продолжают ими быть. С четырнадцати лет я читал Ленина. К этому надо прибавить определенный круг знакомств и еще то, что мне не хотелось бы прибавлять, — тех расстрелянных в моей семье...

— Вам не хочется об этом говорить?

— Не то что не хочу... Это печали не только моей семьи... Больше я ничего не скажу.

— Почему?

— Я не думаю, что это нужно... Но давайте конкретные вопросы, я попробую.

— Извините, кто был убит?

— Братья моей матери.

— Когда это было?

— И во время оккупации, и после освобождения, во время гражданской войны... Но скорее я должен говорить не только о себе. Были лагеря, тюрьмы. Я знаю, например, что, когда я родился, моя мать, чтобы сообщить о моем рождении своему брату и хотя бы что-то узнать о нем, просила охранку о свидании бесчисленное число раз. Они встретились в тюрьме на мгновение... Но это не самое страшное. Были случаи, когда в гражданскую войну партизаны-коммунисты сами, своими руками расстреливали собственных детей, чтобы их зверски не замучили... Тот, кто знает об этом и помнит, кто обдумал это хотя бы немного, для того политический выбор однозначен.

— Вы принимали участие в студенческих выступлениях в ноябре прошлого года?

— И да, и нет. Смотря что вы имеете в виду.

— Вас там просто не было?

— Я не отвечаю на этот вопрос.

— Что вы думаете о своем будущем?

— Я не думаю о своей личной судьбе. Это было бы вредно для дела.

— И все-таки вы оптимистично смотрите на положение вещей?

— Да, конечно. Основание для этого — те возможности, которые у нас есть. И еще то, что наши взгляды находят отклик в Греции. Например, наша радиостанция «Голос правды» ведет передачи четырнадцать раз в день, это в общей сложности восемь часов. Мы даже знаем, сколько людей нас слушает — приблизительно восемьдесят тысяч человек. Одно это уже поддерживает оптимизм. Разумеется, это далеко не все. Но об остальном пока не стоит говорить.

— Последний вопрос, Костас... Вы производите впечатление человека, который вполне доволен судьбой и, даже больше, ощущает, что он вовремя родился...

— Да, я доволен. Конечно, это глубоко

мое личное мнение, но я вовремя родился. Я же оптимист.

— Тогда уж, простите, еще один вопрос. Вы далеко от родины...

— Я знаю, что вы хотите сказать. Это не так. Я не живу далеко от родины. Сейчас я и впрямь далеко от нее, но в другой ситуации я буду там.

— Как это понимать?

— У нашей партии есть возможности переправлять людей...

НГУЕН ТХИ Э

Она была полна неистощимого любопытства и восторга — первое «здравствуйте» по-русски в аэропорту, первое знакомство с древним Кремлем, впервые увиденный снег («Он, как... дождь из белых цветов!»). Ее сутки были забыты до предела — заседания съезда, встречи, митинги. И интервью, интервью. Как у всех гостей съезда. И все же, по-моему, она привлекала к себе особое внимание.

Будь я вьетнамцем, то, описывая ее, наверное, не удержался бы и вспомнил о бамбуке: тоже тоненький, с виду хрупкий, а поди сыщи дерево прочнее. На ней защитного цвета гимнастерка и брюки. Для полной военной формы не хватает только каски. Ее она наденет через считанные дни, когда вернется в Южный Вьетнам.

— Да, нам еще приходится носить каски, — произносит Нгуен Тхи Э, не отрывая взгляда от кремлевских соборов за стеклянной стеной Дворца съездов. Она отводит от лица ветку цветочного куста, возле которого стоят наши кресла, и раздается негромкое позвякивание — на гимнастерке девушки в два ряда ордена и медали.

— Приходится, — она говорит ровно, без нажима. — Сайгонские войска не дают нам жить спокойно. То там, то здесь устраивают провокации. Вот вы спрашивали, что я расскажу отцу и матери о поездке в Москву. А я не знаю, когда увижу их опять. Их деревню оккупировали сайгонские солдаты — уже после заключения Парижского соглашения. А что творится на «той» стороне... Люди Тхиеу, как и раньше, хватают и убивают патриотов. Тюрьмы полны. В них творится такое... Мне рассказывали друзья, которые недавно вырвались на свободу... Знаете, мой отец тоже четыре с половиной года провел в тюрьме как политический. Вообще в наших краях очень много людей очень много дней прожило за решеткой. Сколько их не вернулось...

Нгуен Тхи Э родилась в провинции Бенче. Именно там в январе 1960 года вспыхнуло восстание против сайгонского режима, положившее начало народному вооруженному сопротивлению по всему Южному Вьетнаму. Многолетняя война не обошла стороной ни один крестьянский дом в родной деревне Нгуен Тхи Э. Погиб один из ее братьев, мать обречена на мучительные головные боли после контузии от взрыва.

Труднее всего упросить Нгуен Тхи Э рассказывать о самой себе. Смущенно улыбается, отвечает точно, но предельно скупо — как в боевом рапорте.

— Как и когда вы оказались в армии?

— В 1961 году. Стала связанной в партизанском отряде.

— Сколько вам было лет?

— Двенадцать. Мой первый бой?

В 1962 году. Тогда ранило мою лучшую подругу. Но убитых не было.

Тут переводивший мне товарищ, тоже член южновьетнамской делегации — Нгуен Ван Доан, сам, как я догадался, попросил девушку рассказать о чем-то. Нгуен Тхи Э тихонько засмеялась.

— У нас тогда почти не было оружия, — вспоминает она. — Воевали чем придется. Мы, пионеры, взяли себе в помощники пчел и ос. Это делалось так. Подвешиваешь на веревке гнездо в лесу над тропинкой, по которой ходят сайгонские и американские патрули. В нужный момент отпускаешь веревку, гнездо шлепается и разбивается, и тут солдатам достается! Спасаясь от жал, они бегут куда попало. А вокруг мы заранее накопавшем волчьих ям с бамбуковыми кольями на дне... Вот так мы воевали тогда. Мины тоже сами делали.

Наш разговор с Нгуен Тхи Э в фойе Дворца съездов был довольно продолжительным. Но о боевых делах этой девушки я узнал меньше, чем хотелось бы. Она с удовольствием рассказывает о командире роты, о том, как героически вели себя в бою ее товарищи. Но о самой себе... Все же удалось узнать, что этой скромной девушке — одной из лучших медсестер вооруженных сил Освобождения — обязаны жизнью 565 бойцов и командиров, которых она сама вынесла с поля боя. Что свою последнюю награду она получила за то, что, командуя санитарным подразделением, спасла от почти неминуемого плена 39 раненых, вынесла их из сжимавшегося кольца окружения, да к тому же участвовала в уничтожении самолета противника.

— Вот этот орден, — показывает Нгуен Тхи Э.

И в этот момент на колени ей ложится букет цветов. Это подошли летчик-космонавт Павел Романович Попович и Герой Социалистического Труда бригадир слесарей 1-го Государственного подшиникового завода Алексей Васильевич Виктор. Нгуен Тхи Э встает, ее лицо — сама радость и улыбка. И все то же смущение. Вот она качает головой, когда ее спрашивают, создала ли она свою семью. «Нет, я еще в армии». Вот немногословно рассказывает о том, как в освобожденных районах Южного Вьетнама налаживается жизнь, за которую боролась ее отец, она сама, ее друзья.

— У нас теперь нет помещиков. Крестьяне сами распоряжаются землей, создают кооперативы. Но настоящего мира еще нет. Приходится отбиваться от сайгонских войск. Мы каждый день, каждую минуту на чеку.

Девушка ласкает цветы и, помолчав, говорит:

— Когда-нибудь вы приедете к нам в гости, правда? Уверена, что настанет день, когда самолеты Аэрофлота будут летать не только в Северный, но и к нам, в Южный Вьетнам. У нас все очень благодарны вам, советским людям, за помощь, поддержку, сочувствие нашей борьбе.

Прозвенел звонок — начало очередного заседания съезда. На прощанье Нгуен Тхи Э быстро пишет в моем блокноте:

«Читателям «Ровесника», всем молодым людям Советского Союза. От всей души желаю вам счастья в вашей прекрасной стране Октябрьской революции.

Ваша подруга Нгуен Тхи Э».

В то сентябрьское утро 1968 года под щедрым золотом солнца Лиссабон казался безмятежным. В центре, на площади Маркеш да Помбал, на авениде да Либердаде и авениде да Республика — проспектах Свободы и Республики — гомонили пестрые толпы туристов, чуть ли не круглый год осаждающие город, который, если верить преданиям, основал легендарный Одиссей. В порту, откуда когда-то отплывали в неведомые моря каравеллы искателей приключений и новых земель, лениво нежились белоснежные лайнеры современных искателей экзотики. На старинных улицах банки, похожие на крепости, сверкали медными вывесками, а бронзовые короли на гранитных постаментах нисходятельно взирали на пестрые афиши, приглашающие на корриду. И лишь усиленные патрули жандармерии в рабочих кварталах Мушгейры и Алмады невольно наводили на мысль, что день этот необычен. Если судить по вчерашним газетным и радиопредупреждениям, так оно и было — наступала «новая эра» в жизни Португалии.

О приходе «новой эры» заявил прежде всего не кто иной, как бывший ректор Лиссабонского университета Марселу Каэтану, заступивший на осиротевший пост премьер-министра после того, как престарелого диктатора Антонио де Оливейра Салазара хватил удар. Любопытно, конечно, вступая в «новую эру», оглянуться назад и посмотреть, а какова же была «старая эра». Тем более что ее незадолго до смерти охарактеризовал не без гордости творца сам Салазар. «Я, — сказал он, — рад, что сохранил Португалию такой, какой она была на протяжении веков». Салазар при этом имел в виду не живописные развалины некогда грозных крепостей, не архаичные дворянские титулы и гербы, не средневековые университетские мантии — хотя все это действительно существует. Нет, он говорил о самой сути жизни Португалии, страны, которая после ликвидации монархии в 1910 году какое-то время считалась просто республикой, а с 1926 года — времени фашистского переворота — стала республикой президентской. Президентов, номинальных глав государств, сменялось с тех дней немало, но единственным вершителем судьбы страны все это время оставался диктатор Салазар.

«Маленький Гитлер», как окрестили его в мире, признавал лишь один метод правления: жесточайшие репрессии. «Что такое Португалия? — писала итальянская «Паэзе сера». — Это тюрьма, занимающая 92 тысячи квадратных километров, с 10 миллионами заключенных». К этому точному определению можно только добавить, что стараниями Салазара Португалия побила все мрачные «рекорды» Европы: самый низкий национальный доход, наименьшие заработки рабочего и крестьянина, самая высокая детская смертность, самый высокий процент безработных, самое меньшее число врачей и учителей на 10 тысяч жителей, 40 процентов неграмотных среди взрослого населения... Салазар действительно сохранил Португалию такой, какой она была на протяжении веков: самой бедной и отсталой в Европе. Пристрастие ко всему средневековому заставило его сохранить в неприкосновенности даже «Фейра да ладра» — знаменитый воровской рынок в столичном районе Альфама, родившийся после землетрясения 1755 года, когда король разрешил торговать там кому угодно и чем угодно, запретив полиции интересоваться происхождением «товара».

Впрочем, насчет средневековости тоже нельзя перегибать палку. Салазару были не чужды новации и увлечения всяческими достижениями. Правда, только в одной области — в сфере дальнейшего усовершенствования системы массового террора. Он одарил Португалию, по словам журнала «Темпо», «самой зверской полицией» в Европе — ПИДЕ. Официально это сокращение означало «Международная полиция обороны государства». Практически это был модернизированный вариант гестапо, сто тысяч агентов которого заменяли диктатору обычный административный аппарат.

Того, кто попадал в штаб-квартиру ПИДЕ в районе Байша в Лиссабоне или в тюрьмы-застенки Алжуби, Пенише, Кашиас, встречали специалисты своего «дела», овладевшие целым арсеналом пыток как средневекового образца, так и усовершенствованных. Кавалу-маринья — плетъ из шкуры бегемота, один удар которой может перебить позвоночник, пытки электрическим током, научно выверенные психологические истязания... Вот что рассказывает о своем первом знакомстве с палачами ПИДЕ Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии Алваро Куньял: «Когда я был арестован первый раз и отказался дать показания, на меня надели наручники и втолкнули в круг, образованный полицейскими агентами, которые принялись пинать меня ногами, избивать кулаками, кавалу-мариньей и специально приспособленными для истязаний толстыми досками. Они избивали меня несколько часов, а затем, когда я рухнул на пол, свя-

«Новая» стратегия Каэтану оказалась не более успешной, чем откровенный массовый террор Салазара. 13 лет эти диктаторы вели колониальную войну в «заморских департаментах»... Но чем дальше шло время, тем призрачнее становились надежды на военную победу».

зали, сняли ботинки и носки и принялись наносить удары по ступням ног. Утомившись, полицейские подняли меня и заставили подпрыгивать на кровотокающих опухших ногах, а потом опять принялись избивать. Так повторялось вновь и вновь, пока я не потерял сознание».

Но даже «самой зверской полиции» не дано было сломить народ Португалии. В неимоверно тяжелых условиях фашистской диктатуры компартия и демократические силы ни на день не прекращали борьбу против Салазара. Падали под пулями вожаки демонстраций, томились в камерах организаторы забастовок, молчали под пытками распространители подпольной коммунистической «Аванте», но борьба продолжалась. А в ночь с 4 на 5 февраля 1961 года автоматные очереди в Луанде, административном центре португальской колонии Ангола, возвестили о том, что открылся второй — африканский — фронт борьбы против деспотии «маленького Гитлера». Если до начала вооруженной освободительной борьбы Португалия держала в колониях 9 тысяч солдат, то к концу 1962 года их число выросло до 60 тысяч. Вслед за Анголой начали вооруженную борьбу за свободу и независимость патриоты Мозамбика и Гвинеи-Бисау, причем в последней к началу 1965 года от колонизаторов было освобождено уже около половины территории страны. «Борьба народов португальских колоний является мощной поддержкой в борьбе португальского народа, — писал в ноябре 1964 года Алваро Куньял. — Каждый африканский патриот, который погибает в Анголе, «португальской» Гвинее или Мозамбике, отдавая жизнь за освобождение своего народа, приближает день освобождения и для португальского народа».

ПЕРЕД НАЧАЛОМ

С. МИЛИН

...Придя к власти осенью 1968 года, Казтану предпринял необычный, оттеняющий современность мышления нового диктатора шаг: он выступил по телевидению. Покойно откинувшись в мягком кресле, бывший университетский профессор вдохновенно рассказывал «своему народу» о том, что он, исходя из своих принципов, готов пересмотреть и уже пересматривает африканскую политику; о том, что впереди грядет обширная и небывалая «либерализация» всей политической и общественной жизни Португалии. «Армия — это не машина смерти, а оружие воспитания и прогресса», — цитировал он своего предшественника Салазара. Но он не остановился на этой проверенной в колониях мудрости и пошел дальше: «полиция должна действовать в рамках закона и при этом не быть слишком вездесущей». А главное, обещал Казтану, он даст Португалии реформы, которые ей нужны.

И это не были просто слова. «Либерализация» пошла полным ходом. Что ни день — реформа! Упраздняется правящая фашистская партия «Национальный союз»... и создается «Национальное народное действие», куда автоматически перекочевали прежние партийные бонзы. Официально распускается ненавистная ПИДЕ... и тут же ее аппарат и все функции передаются «Генеральной дирекции безопасности». На-

конец, отменен закон о цензуре... и введено в практику так называемое «предварительное ознакомление». Других реформ не последовало.

Не менее деятелен премьер-«реформатор» был и во внешней политике. Подобно Салазару, Казтану считал, что не может быть и речи о предоставлении независимости народам Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау, но не потому, что они не доросли до нее (как твердил покойный ретроград), а потому, что «черных следует рассматривать лишь как элемент производства, который нуждается в руководстве со стороны белых». Убедившись на опыте, что 200-тысячная армия карателей не в силах подавить борьбу патриотов, Казтану решил сделать ставку на террористические акты против лидеров африканских освободительных движений.

...В понедельник, 3 февраля 1969 года, основатель Движения за освобождение Мозамбика (ФРЕЛИМО) доктор Мондлане отправился в штаб-квартиру ФРЕЛИМО в Дар-эс-Саламе за поступившей для него почтой. Среди прочей корреспонденции в ней была небольшая бандероль с книгой, присланной из Европы. Когда вечером у себя дома доктор Мондлане вскрыл пакет, раздался взрыв: в книге оказалась вмонтирована портативная мина.

...В ночь на 22 ноября 1970 года на побережье близ Конакри, столицы независимой Гвинеи, высадился отряд наемников, завербованных и обученных португальской секретной службой. Как выяснилось позднее, им было поручено уничтожить находившуюся в городе штаб-квартиру Африканской партии независимости (ПАИГК), которая руководила освободительной борьбой патриотов Гвинеи-Бисау. Операция провалилась. Из 400 наемников большая часть была уничтожена на месте, остальные взяты в плен. Однако в январе 1973 года португальским агентам все же удалось нанести ПАИГК предательский удар, убив ее Генерального секретаря Амилькара Кабрала. Но созданная им партия выстояла, не сломилась. И лучшим свидетельством этого служит то, что 24 сентября того же года Национальным собранием было торжественно провозглашено образование Республики Гвинеи-Бисау, которую признали уже более 50 государств.

...26 февраля нынешнего года на браззавильском аэродроме Майя-Майя приземлился неизвестный самолет. Члены экипажа назвались «подданными Бурунди», заявив, что сбились с курса. Однако в ответ на запрос бурундийские власти сообщили, что самолета под номером «9 X РКД» в стране не числится. После недолгого заперательства задержанные признали, что являются агентами португальской секретной службы и получили задание внедриться в Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА) с целью физического уничтожения его руководства.

Итак, «новая» стратегия Казтану оказалась не более успешной, чем откровенный массовый террор Салазара. 13 лет эти диктаторы вели колониальную войну в «заморских департаментах» в Африке, потеряв в ней свыше 40 тысяч солдат. В ход было пущено все: бомбы, напалм, ядохимикаты, варварское уничтожение мирного населения. Но чем дальше шло время, тем призрачнее становились надежды на военную победу. В Анголе МПЛА развернула боевые операции на территории более 500 тысяч квадратных километров. В Мозамбике в результате действий отрядов ФРЕЛИМО народная власть установилась на территории свыше 200 тысяч квадратных километров. Почти полностью освободилась Гвинея-Бисау. Эскалация поражений вынудила Казтану вдвое — до четырех лет — увеличить срок службы в армии, но мощь ее от этого отнюдь не возросла. По свидетельству газеты «Юманите», ежегодно из 60 тысяч призванных на службу юношей 12—15 тысяч рвали повестки и тайно бежали за границу. С начала военных действий более 100 тысяч человек дезертировали из армии или отказались выполнять приказы.

«Моральное состояние плохое как в метрополии, так и на заморских территориях... Враг усовершенствовал и увеличил свои усилия на обоих фронтах, как на внутреннем, так и на внешнем», — с досадой признавались в секретном докладе психологического отдела № 15 генерального штаба португальской армии.

Генштабисты не ошиблись. «Диктатура в перчатках» «либерала» Казтану оказалась перед кризисом, скрывать который стало уже невозможно. Первого мая 1970 года, несмот-

ря на запрет, на демонстрацию по случаю праздника боевой солидарности трудящихся всех стран вышли сотни рабочих в промышленном городе Баррейру, недалеко от Лиссабона. В ту же ночь полиция арестовала четырех руководителей первомайской демонстрации, обвинив их в «посягательстве на безопасность государства». Известие об этом облетело весь город. В следующее воскресенье в Баррейру на улицы с красными знаменами и пением «Интернационала» вышли уже тысячи людей, приехавших из соседних городов и поселков. Против демонстрантов была брошена конная полиция и жандармерия. Завязалась схватка, в бюстителей порядка полетели булыжники. В последующие дни волна забастовок и демонстраций охватила все рабочие окраины уже самого Лиссабона, перекинулась в Лавардиу, Москавиде, Вила-Франка и другие города. Столкнувшись с решительным отпором, власти вынуждены были отступить, вернув арестованным свободу.

Прошло немногим больше года, и в день открытия лиссабонской сессии Совета НАТО прогремел взрыв на центральном телеграфе, прервав почти на сутки всякую связь между португальской столицей и внешним миром. Эту дерзкую операцию провела одна нелегальная организация.

«Совершенно ясно и неизбежно крушение фашистского режима в Португалии, — писала итальянская «Паэзе сера». — Вопрос только в том, когда это произойдет».

...На рассвете 25 апреля 1974 года по радиостанции «Ренессанса» прозвучала популярная мелодия «Грандола, смуглый городок», послужившая сигналом к выступлению против фашистской диктатуры для тех, кого она считала своей опорой: армии. И именно по авениде да Либердаде — проспекту Свободы прошли подразделения 5-го полка мотопехоты, спеша захватить ключевые правительственные учреждения. Вскоре на помощь им двинулись восставшие войска из пригородов Лиссабона, примкнули военные моряки. К вечеру, когда в казармах Кармо были взяты под стражу премьер Казтану и члены его правительства, свержение фашистской диктатуры стало свершившимся фактом. Национальный совет спасения, возглавленный от имени «Движения вооруженных сил» генералом Антониу ди Спинолой, в своем манифесте четко определил цель — «вернуть свободу португальскому народу».

Свержение режима Казтану произошло настолько быстро, что за границей поначалу многие просто отказывались этому верить. Еще бы, потребовалось всего 14 часов, чтобы покончить с фашистской диктатурой, державшейся у власти целых 48 лет! Мало того! В первые же дни и часы была упразднена политическая полиция, наследница кровавой ПИДЕ; восстановлена свобода политических партий и собраний; освобождены из тюрем политические заключенные, место которых заняли их бывшие тюремщики, все политические эмигранты получили возможность вернуться на родину. После стольких лет мрака наступал день!

Дальнейшие события мелькали, как в радостном калейдоскопе, их символом стала красная гвоздика.

...30 апреля в аэропорту тысячные толпы встречали Генерального секретаря коммунистической партии Алваро Куньяла.

...1 мая впервые почти за полвека в Лиссабоне на демонстрацию открыто вышли полмиллиона трудящихся.

...15 мая состоялась торжественная церемония провозглашения президентом республики генерала Спинолы, 16 мая приведено к присяге временное правительство, которое официально заявило о своем отказе от попыток решения вопроса о бывших португальских колониях в Африке с помощью военной силы, о намерении проводить новую социальную политику и довести до конца демократизацию страны, взяться за разрешение многих других проблем.

9 июня было принято решение об установлении дипломатических отношений между СССР и Португальской Республикой.

Проблем перед Португалией стоит немало. И важнейшая из них — сохранение и укрепление единства всех демократов и антифашистов. Стены домов на многих португальских улицах сегодня часто украшает один короткий, как приказ, лозунг: «Вооруженные силы и народ — это свободная Португалия». Именно единство народных масс и армии обеспечило молниеносный крах фашистского режима Казтану. Именно от этого единства зависят будущие успехи страны в той жизни, которую Португалия начала 25 апреля 1974 года. Ведь «переворот, — подчеркивал Генеральный секретарь компартии Алваро Куньял, — лишь первый шаг в строительстве новой Португалии».

«Волны дружбы катились по улицам, и поток этот на глазах набирал силу... Я еще ни разу не видел в Греции такого воодушевления».

В тот вечер я собрался посмотреть один фильм, вызвавший много споров на кинофестивале в Салониках. Была среда, 14 ноября 1973 года. Маршрут автобуса номер 3, который вез меня в кинотеатр, проходил мимо Афинского политех-

Западногерманский журнал «Кюрбискерн» опубликовал этот материал под заголовком «Американец в Афинах: Черный ноябрь», не назвав имени автора «из соображений его личной безопасности».

АФИНСКИЙ ДНЕВНИК

нического института. Когда автобус подъехал к институту, пассажиры уставились в окна: площадь была полна народу — сплошь молодежь. Шум стоял невообразимый. Я понял, что здесь зреет нечто важное; быть в такой момент в Афинах и остаться в стороне я не мог и не хотел. Тут уж, конечно, не до кино. Я выпрыгнул из автобуса.

Я огляделся по сторонам. Было хотя и шумно, но чувствовался несомненный порядок: студенты вели себя организованно и даже не создавали помех уличному движению.

Рядом со мной молодой парень лихорадочно строчил что-то в блокноте. Заглянув ему через плечо, я увидел листки, испианные лозунгами. В этот момент мимо нас медленно проезжал автобус. Парень вырвал из блокнота несколько страниц и протянул их мне, а я стал бросать их в открытые окна автобуса. Блокнот скоро кончился. Тогда я сбегал к ближайшему киоску и, купив новый блокнот, вернулся на прежнее место. Моего напарника уже не было. Я принялся сам писать лозунги и краем глаза заметил, что на меня смотрит какой-то парнишка, на вид лет пятнадцати, как и мой сын.

— Что это ты пишешь? — спросил он.

Я продолжал писать те же лозунги: «Долой хунту, долой Пападопулоса! Смерть тиранам! Хлеба, образования и свободы!» Я отрывал листок за листком и совал их в окна проходящих автобусов. Парнишка попался любознательный:

— Ты написал Таиланд. Что это такое?

Я объяснил:

— Это страна в Азии. Там недавно были студенческие волнения вроде здешних. С той разницей, что там удалось свергнуть военное правительство.

— Ого! — только и сказал мой собеседник, но разговор прервался. Мы оба были слишком заняты. Я писал листовки, а он выхватывал их у меня из рук и забрасывал в окна автобусов.

Полиция пока не вмешивалась. В этот вечер она вела себя сдержанно. Однако я не мог отделаться от какого-то неприятного предчувствия. Вдруг кто-то шепнул мне на ухо: «Будь осторожен, тебя засекли».

Уходя, я отдал блокнот моему добровольному помощнику.

На следующее утро я вновь был у Политехнического. По сравнению с предыдущим днем толпа разрослась, но движение транспорта пока не прекращалось. К самому зданию института пробраться мне не удалось. Полицейские выстроили заслон и никого внутрь не пускали. Все прилегающие улицы были запружены демонстрантами. Сотни студентов облепили институтскую ограду и скандировали: «Мы голодны, Пападопулос, сегодня ночью мы тебя слопаем! Люди, вы голодны, почему вы не поблагодарите за это кого следует? Люди, сделайте же что-нибудь! Долой Пападопулоса! Нами правит сумасшедший!» Лозунгам не было конца, да и плакатов на ограде института заметно прибавилось по сравнению с предыдущим днем.

Разговоры, знакомства завязывались сами собой — люди сидели и стояли буквально бок о бок. Настроение было неприязненное, дружелюбное. Случайно толкнув соседа, с готовностью извинялись.

Но вот наступил тот день, который афинская молодежь назвала «черной пятницей» — 16 ноября 1973 года.

До Политехнического я добрался к десяти утра и пробыл на площади до пяти часов пополудни. Все это время меня не покидало ощущение нарастающего, всеохватывающего веселого возбуждения. Разные руки хлопали меня по плечам, вокруг меня были незнакомые люди, но я чувствовал себя среди друзей. Для меня это было ново — обычно я с недоверием относился к случайным знакомствам. Но тут я ощущал дружеское расположение повсюду, и во мне нарастало ответное чувство. Оно заполнило меня всего, я ощущал его почти физически. Волны дружбы катились по улицам, и поток этот на глазах набирал силу от среды к четвергу, от четверга к пятнице. За последние семь лет я еще ни разу не видел в Греции такого воодушевления. И все же тревога не покидала меня...

Вдруг я заметил нечто странное, даже совершенно необычное. У ворот Политехнического, держа в руках огромные листы металлической фольги, выстроилась группа студентов. Свои своеобразные рефлекторы они установили таким образом, чтобы все время «ослеплять» окна и подъезды противостоящих домов. Сперва я подумал, что они зачем-то пустили в ход световую азбуку Морзе, но вскоре понял, в чем дело. Студенты пытались «нейтрализовать» объективы кинокамер и фотоаппаратов, чтобы лица демонстрантов не остались на пленках, которые наверняка попадут в руки полиции. Но вот кто-то заметил на одном из балконов известного и очень популярного в Греции молодого кинорежиссера. Толпа обернулась к нему, раздалась аплодисменты, радостные крики. Режиссер держал в руках фотоаппарат, но снимал он, ясное дело, не для полицейских архивов, и студенты ради него даже убрали на минуту свои рефлекторы.

Днем перестали ходить автобусы, потом остановилось все движение. Но демонстрантов полиция пока не трогала. Толпа все росла, в нее вливались многочисленные группы строительных рабочих, крестьян, интеллигенции. При появлении каждой новой группы — а почти все они несли флажки с изображениями символов своих профессий — толпа радостно гудела.казалось, в этой демонстрации участвуют представители всех профессий, какие только есть в Греции.

Часов около пяти я ушел домой, но в восемь вечера снова шел по улице Солона к площади Каннинга. Навстречу мне бежали люди с покрасневшими, слезящимися глазами. Задыхаясь от кашля, они закрывали рот платком или ладонью. Все ясно: полиция пустила в ход слезоточивый газ. Я остановил одного парня. «Они... они... уже давно начали...» — выдавил он сквозь кашель.

Переулками я вновь выбрался к Политехническому институту. На решетке ворот громоздились студенты, размахивавшие транспарантами. К первому акту драмы я уже опоздал. Дальше события развивались с нарастающей быстротой. Мне стало известно, что забаррикадировавшиеся в здании института нуждаются в медицинской помощи — уже есть раненые. Тогда я сбежал в ближайшее кафе и вызвал по телефону двух знакомых врачей. Но напрасно они пытались пройти в институт — сами же студенты не впустили их. Выяснилось, что незадолго до этого на территории института уже побывали несколько людей в белых халатах. Они оказались переодетыми автоматчиками. Скинув халаты, брошенные поверх мундиров, они открыли огонь по студентам, в том числе и по тем, кто ждал медицинской помощи.

Из-за ограды раздавалось пение. Напряженность несколько не разрядилась, хотя толпа немного поредела. На воротах висели огромный плакат: «Если народ не знает страха, тираны трепещут».

Даже не знаю, что потянуло меня перебежать через улицу. Через минуту я был на углу улиц Патиссион и Авероф. Прижимаясь к стене, там стояло десятка полтора молодых людей. Каждые несколько секунд в полуметре от нас о мостовую с визгом ударялись пули. Кто-то крикнул: «Они стреляют оттуда!» Мы посмотрели вверх — стрельба велась с противоположной стороны узкой улицы — с четвертого этажа гостиницы «Акрополис-палас». Мы стали кричать людям, стоявшим напротив: «Не переходите через улицу!» До нас пули не доставали, но и сдвинуться с места мы не могли ни на шаг. Мы оказались в западне. Пятеро из нашей группы — горячие головы — попытались все же перебежать на другую сторону, поближе к институту, но всех их настигли пули. Одного ранило в глаз. Другой едва успел сделать три шага — и пуля угодила ему в живот. Он почти сразу скончался. Третьего ранило в руку. Тем не менее еще один решил попытать счастья. Ему прострелили горло, и спустя час радиоузел Политехнического института сообщил о его смерти. Пятого ранило в ногу, мы еле оттащили его назад. Выждали. Наконец стрельба прекратилась, и мы, скользя по окровавленному асфальту, понесли раненого товарища к карете скорой помощи, которая как раз остановилась неподалеку. В машине едва нашлось свободное пространство — раненые лежали, как сардины в банке. Бинты, кровь, скорчившиеся тела... И сестры милосердия в белых халатиках. Они очень старались уместить в машине всех раненых. Мог ли я заподозрить, что под их белоснежными халатиками скрывается военная форма, что несчастных, истекающих кровью людей увезут не в больницу, а в камеры пыток военной полиции...

Меня в этот момент заботило другое: надо было связаться с каким-нибудь иностранным журналистом, рассказать ему о кровопролитии, очевидцем которого я только что был. Наконец я разыскал телефонный автомат. Мой друг, послушав просьбу, дал мне телефон одного корреспондента-американца. Мне повезло — я дозвонился до этого человека и «провисел на проводе» с полчаса.

После этого я прошел до улицы Патиссион. Здесь улица была забаррикадирована автобусом.

С десяток молодых людей сбилось на углу. Внезапно раздался крик: «Танки!» И действительно, лучи их фар, словно гигантские пальцы, уже ощупывали фасады домов. Через несколько минут грохочущие чудовища подмяли под себя автобус, как пустую картонную коробку. Мы бросились к другому автобусу, стоявшему у тротуара, и с упрямством безумцев стали толкать его на середину улицы. Но сколько мы ни старались, он не сдвинулся с места. А в это время с территории Политехнического института доносились усиленные мегафоном слова: «Появились танки. Но все мы одной крови, солдаты не посмеют стрелять в нас, мы все братья! Они поймут, почему мы здесь. Мы боремся и за их свободу, за свободу Греции!»

Голос из Политехнического института пробивался сквозь ляг гусениц: «Друзья, не оставляйте нас одних!» Мимо нас про-

«На улицах еще стреляли... Мы прослушали последнюю передачу подпольной радиостанции. Молодой и усталый голос произнес: «Мы прощаемся с вами. Всего вам хорошего».

мчалось восемь танков. Солдат, сидевший на броне последней машины, приветливо помахал нам рукой. И в тот же самый момент из-за угла на нас хлынула лавина морских пехотинцев, в шлемах, с дубинками в руках. Началась паника.

Сейчас-то я знаю: надо было просто бежать, как можно быстрее бежать — по крайней мере кому-нибудь из нас удалось бы спастись. Но мы потеряли голову и ринулись в ближайший подъезд. Он оказался настоящей западней. Мы сгрудились на пятчке между лестницей и лифтом, и тут же солдаты оказались над нами. Именно над нами.

Нас сбили с ног. Я только успел снять очки. Желтые дубинки, словно желтые молнии, обрушились на наши головы. Затрещали проломленные черепа. Я попытался заслонить лицо рукой, но мне тут же перебили ее — она повисла, как плеть. Вытянул вперед другую руку, но ее заломили за спину, и на меня посыпались удары. Боль жуткая, а я в эти мгновенья только удивлялся: крепкий же у меня череп, мог бы от таких ударов разломиться, как яичная скорлупа!

Череп уцелел, но осталась здоровенная кровоточащая рана. Кошмар избиения кончился так же внезапно, как начался. Морские пехотинцы исчезли, и я остался один. Мои товарищи по несчастью тоже куда-то пропали. Я выбрался на улицу, и тут же кто-то сказал: «Посмотри, что у тебя с головой!» Я потрогал голову, на руках осталась кровь, но боли я не чувствовал. Побрел дальше, свернул за угол. Вдруг вижу — мимо медленно едет такси. «Не захватите ли меня?» — спросил я водителя.

«Пожалуйста на переднее сиденье!» — сказал он. Я сел рядом с ним. Сзади сидело еще трое. Такси двигалось в сторону площади. Шофер сбавил ход. На правой стороне площади я заметил группу человек в пятьдесят — одетых в черные мундиры офицеров афинской полиции. Мой «благодетель» был явно заодно с хунтой — иначе дал бы газ. Он же остановился как раз рядом с полицейскими. Один из них распахнул дверцу и выволок меня наружу. Машина поехала дальше.

— Кто такой? — заорал на меня полицейский. И тут мне впервые стало по-настоящему страшно. Я не знал, что сказать, да у меня и не было времени собраться с мыслями. Он уже шарил по моим карманам, вытаскивая все, что в них было. За бумажником с деньгами последовал обрывок листовки, одной из миллионов листовок, что в эти дни валялись повсюду на улицах Афин. На бумажке стояло: «Нами правит сумасшедший!»

Меня начали толкать «по кругу», посыпались удары. Двое держали меня за руки, остальные били по лицу. Это были люди, которым уже за 40, а может, и за 50. Думаю, у них остались неприятные воспоминания о гражданской войне, бушевавшей в Греции четверть века назад.

Кулаки месили мое лицо, челюсти, пах, опять лицо. Меня швырнули на землю, стали топтать сапогами. Потом поставили на ноги и опять принялись швырять от одного к другому, словно футбольный мяч. При этом, разумеется, грязные ругательства сыпались как из рога изобилия.

Все происходившее походило на кошмарный сон. Настолько, что я вроде бы не ощущал боли. Ведь разве испытывает боль туша под топором мясника? Разве страдает кровоточащий бифштекс под деревянным молотком повара? Все происходило как бы по ту сторону моего живого «я», моей способности понимать. Все чередовалось с такой быстротой, что я не успевал ни понять, ни почувствовать: удар кулаком по зубам, зубами о мостовую, плевков в лицо, сапогом в пах...

Я был не в состоянии ни думать, ни страдать, ни тем более сопротивляться, что, впрочем, было бы бессмысленно. Я лишь выдыхал в промежутках между ударами: «Что я вам сделал? За что вы меня так?»

Позже друзья спрашивали: «Почему не сказал, что иностранец? Почему не крикнул, что ты американец?» Но мне ни на минуту не приходило в голову требовать для себя неприкосновенности, которой пользуются иностранцы. Если ввязался в какое-то дело, нужно идти до конца. Иначе нельзя. И что, собственно, значит — «быть американцем»? Я об этом не задумывался. Но зато я теперь хорошо знаю, что значит «быть греком».

Наконец от меня отстали. Швырнули на мостовую и крикнули: «А ну, убирайся, грязная скотина!» — «Я же давно этого хотел», — пробормотал я, поднимаясь на ноги. И тут же услышал позади шаги. Меня охватил страх. Я напряг все силы и побежал. «Нет, нет, только не это опять». Бежать быстро я, разумеется, не мог. Прямо передо мной какая-то пожилая пара запирала двери подъезда. Я протиснулся прежде, чем они успели это сделать.

— Там, на улице, убивают людей. Меня избили почти до по-

лусмерти. Пожалуйста, помогите! — шептал я в темноте, а старик дрожащей рукой нащупывал выключатель.

— Тсс! Тихо! — сказал он. — Не разбудите жильцов. А вот этот молодой человек наверняка поможет вам.

Они торопливо вошли в лифт. Я бросился было за ними, но тут увидел мужчину.

— Пойдемте, — сказал он. — У нас машина и врач. Быстрее! Он взял меня под руку и вывел на улицу.

— Со мной раненый, — произнес он.

Я плюхнулся на сиденье, где уже были парень и две девушки.

— Ничего, дружище, мы тебя подштопаем, — подбодрили меня. — Поехали, переночуешь у нас.

Вскоре мы оказались в пригороде. Мне помогли добраться до крохотной комнатки на втором этаже современного многоквартирного дома. Пока все слушали по приемнику новости, сообщаемые подпольной радиостанцией (оказывается, танки штурмовали Политехнический институт; потом против студентов были брошены войска; солдаты убивали всех, кто оказался у них на пути), доктор остриг мне волосы, промыл рану и наклеил на нее черный пластырь.

— Белый слишком бросается в глаза, — пояснил он.

— Ты должен отдохнуть, — сказали мне. — Мы приготовим тебе постель.

Было уже четыре утра. Шел новый день, но для меня еще не кончился предыдущий. Сбиваясь и путая слова, я рассказал, как мог, о самом для меня сейчас важном: связаться с кем-либо из иностранных корреспондентов, чтобы проинформировать печать о том, что произошло за последние часы с единственным иностранцем.

Звонить прямо из квартиры было рискованно: подслушают разговор и засекут номер. Оставалось одно — позвонить из обычной телефонной будки. Но где? Поблизости не было ни одной. Тогда я попросил доктора позвонить моей знакомой. Ее не остановят никакие опасности — я знал, как она сражалась во времена немецкой оккупации в 1941—1944 годах.

В самом деле, уже через полчаса она сидела возле меня. Приехала на такси через весь город. Я отправился к ней. У телефона-автомата мы остановились. В это раннее сумрачное субботнее утро я позвонил знакомому журналисту.

На улицах еще стреляли, но дочь моей знакомой все же отважилась выйти из дому и пройти несколько кварталов за лекарствами для меня. Мы прослушали последнюю передачу подпольной радиостанции. Молодой и усталый голос произнес: «Мы прощаемся с вами. Всего вам хорошего».

В полдень правительство радио передало приказ командующего войсками генерала Загрианакоса. Цензура печати возобновлялась, по всей Греции вводилось чрезвычайное положение — комендантский час с четырех вечера до пяти утра. Всем было ясно, зачем понадобился такой длинный комендантский час. Во-первых, по всей стране начнутся аресты, во-вторых, потребуется много времени, чтобы убрать или сжечь трупы, число которых перевалило за несколько сотен.

После долгих поисков мне удалось найти надежного врача-рентгенолога. Он установил у меня перелом руки и объяснил, как наложить картонную шину. Эту операцию я проделал в одиночку дома, скрипя зубами от боли.

...Я думаю сейчас о тех парнях и девушках, о тысячах и сотнях тысяч молодых людей — участников событий «черного ноября». Конечно, трудно быть оптимистом, если перед глазами снова и снова возникают сцены убийств молодых людей. И все же я уверен, что жертвы были напрасными.

Я думаю о тех, кто остался в живых, о 18-летних, которые скоро станут совсем взрослыми людьми. Забудут ли они своих убитых одноклассников? А сколько их погибло? Этого точно никто не знает.

Один знакомый хирург рассказал мне, что только в его больнице в те дни скончалось от ранений 47 молодых людей. А в Афинах около 80 таких больниц...

Одна афинская знакомая пришла ко мне в тот день, когда Пападопулоса сменил генерал Гизикис. Это было в воскресенье 25 ноября.

— Забудь обо всем, — сказала она. — Теперь это дело прошлое. Я хорошо знаю многих врачей — они не осмелятся признать, что в коридорах их больниц умерли в те дни десятки людей. Да и к чему пытаться точно определить их число — нашей прессе это не пригодится. Писать об этом за границей тоже бесполезно. Видишь ли, нынешняя генеральская хунта попытается все обернуть в свою пользу. Вот, дескать, от каких жестокостей мы хотели спасти страну, когда отобрали власть у Пападопулоса.

О мертвых она сказала:

— И все же их гибель была напрасной!

Перевел с немецкого Е. БОВКУН

«В Чи Хоа содержатся 635 детей и подростков в возрасте до 16 лет. В женской тюрьме Тю Дюк вместе с матерями находятся 80 детей младше пяти лет».

— Почти все мои друзья либо в тюрьмах, либо в изгнании, — он умолкает, задумавшись. Потом говорит: — От одной мысли, что все так и останется навсегда, можно сойти с ума. Нам даже не нужно умирать, чтобы познать, что такое ад.

Эти слова произносит человек, которого считают одним из лучших писателей Южного Вьетнама. За те без малого два месяца, в течение которых я собирал данные о положении политических узников Сайгона, мне часто доводилось слышать подобные высказывания.

Еще до поездки в Южный Вьетнам я полагал, что имею некоторое представление о существе дела. Например, мне было известно, что в Южном Вьетнаме насчитывается по меньшей мере 100 тысяч политзаключенных (многие другие источники называют гораздо более высокие цифры. — Ред.). Но, очутившись в Сайгоне, я понял, что одна статистика рассказывает еще далеко не все. Только когда разглядишь за цифрами человеческие судьбы, начинаешь по-настоящему сознать, о чем идет речь.

Католический священник Чан Тин возглавляет организацию, выступающую за освобождение узников Сайгона. Чан Тин рассказал мне, что перед самым моим приходом у него побывал отец 38-летней женщины из Дананга, которую зовут Чан Тхи Там. Она гостила у родственников в Сайгоне. 21 июня 1973 года они посадили ее в автобус, направлявшийся в аэропорт, откуда ей предстояло лететь домой. Но дома ее так и не дождались. 27 июня отец получил известие о том, что его дочь покончила с собой в штабе военной полиции. Вскоре ему выдали тело дочери.

— Почему она была арестована? — спрашиваю я.

— Эта женщина никому не причинила зла, — говорит Тин. — Родственники считают, что, быть может, она отверг-

ТХИ МАН ЕЩЕ В ТЮРЬМЕ...

ла домогательства какого-нибудь полицейского, и это послужило поводом для ареста. Но точно им ничего не известно.

Только когда у меня накопилось побольше подобных фактов, я стал более или менее понимать, что происходит в Южном Вьетнаме. Речь идет о системе вседущего полицейского надзора, арестов без всяких оснований, допросов с применением пыток, приговоров без улик, жестокого тюремного режима.

Преподаватель католического университета рассказал мне, как людей заставляют быть осведомителями:

— Однажды ко мне в слезах пришел один из студентов. Он признался, что полиция под угрозой немедленного призыва в армию вынудила его доносить о содержании моих лекций.

— Два месяца назад, после освобождения из тюрьмы, — рассказывал мне один профсоюзный деятель, — я навещил семьи моих товарищей по заключению. Я действовал достаточно осторожно, и мне казалось, что за мной никто не следил. Но через неделю меня арестовали. В полиции мне предъявили снимки, сделанные тайно во время моих посещений.

В одну жаркую июльскую ночь мне самому пришлось пережить то, что так знакомо жителям Сайгона. Меня разбудил громкий стук в дверь. Одновременно надрылся дверной звонок. Яркий луч фонаря бил снаружи сквозь шторы. «Полиция! Открывайте!» Я вскочил с постели, открыл дверь, и в комнату ворвались двое полицейских. Никакого ордера на обыск, никаких объяснений. Заглянули под кровать, в ванную, в шкаф. Перерыли мои бумаги. Через несколько минут они направились к моим соседям. До четырех часов утра я слышал, как они ходят из квартиры в квартиру.

На следующее утро я узнал от знакомых, проживших дол-

Фред БРАНФМЕН,
директор Вашингтонского института по изучению проблем
Индокитая

го в этой стране, что подобные визиты здесь — вполне нормальное явление. Тысячи полицейских каждую ночь совершают налеты на квартиры жителей городов и деревень Южного Вьетнама. А днем эти же полисмены в темных очках, одетые по всей форме, стоят на каждом углу. Они останавливают автомобили, проверяют документы у любого прохожего. Каждый житель Южного Вьетнама обязан всегда и всюду носить при себе удостоверение личности. На каждого вьетнамца старше пятнадцати лет заведено досье.

Переговорив с родственниками политических заключенных, я узнал, что внезапный арест подстерегает человека дома и на работе, в школе и на рынке и просто на улице. Шестнадцать бывших политических узников, с которыми я разговаривал, рассказали, что самое ужасное обрушивается на человека сразу после ареста, до того, как его приговорят к заключению. На языке полиции это называется следствием. На языке заключенных — пытками.

Вот три истории, которые я узнал в течение одного дня от людей, только недавно оказавшихся на свободе. 16-летняя девушка Тхао рассказала, что ее раздели и жестоко избивали, заставляя признаться в преступлениях, которых она не совершала, и доносить на друзей. В течение месяца ее держали в одиночной камере в следственном центре.

А вот как протекал «следственный период» одного студента. Ему загоняли под ногти иголки, а рядом включали вентилятор, чтобы они шевелились от струи воздуха. Пытали и электрическим током.

Тхао, студент и я разговариваем в залитой солнцем комнате. Вдруг дверь открывается. Появляется человек. Он полусидит спиной к нам. В этом необычном положении он с трудом вползает в комнату. Укладываем его на кровать, и он начинает рассказывать о себе. Ему сорок два года. Четырнадцать лет он провел в заключении, из них девять в «тигровых клетках» на острове Коншон. Во время допросов его пытали водой: клали связанного на спину и в горло вливали мыльную воду. Потом кто-нибудь из допрашивавших прыгал ему на живот так, что вода выходила через нос и рот.

Во время его рассказа Тхао становится дурно, она едва удерживается на стуле. Ее выпустили только вчера. Мы уводим ее в соседнюю комнату, уговариваем прилечь. Студент потирает себе грудь в области сердца, тяжело дышит.

Рассказчик продолжает. Целых девять лет он был прикован к железному брусу, и у него отказали ноги. Горсть риса да чашка зловонной воды в день. О врачебной помощи и говорить нечего. Тех, кто пытался протестовать, избивали уголовники по наущению надзирателей. Охранники бросали в камеры гранаты со слезоточивым газом и негашеную известь, ожоги от которой не проходили неделями. Был ли суд? Да, в 1962 году — спустя три года после ареста. «Процесс» длился десять минут. Дали двадцать лет тюрьмы.

Я решил посетить заседание суда. Военно-полевой трибунал разбирает дела «политических». Пятнадцать минут ожидания, и в зал входят пятеро в военной форме. Они занимают места на возвышении.

— Это судьи, — шепчет мне переводчик.

Человек в гражданском платье справа от них, также на возвышении, — обвинитель.

Начинается разбор дела. Вводят 16-летнего юношу. Судья зачитывает обвинение, составленное, как объясняет мне переводчик, полицией. Иногда он останавливается и спрашивает, нет ли у обвиняемого возражений. Вдруг судья разражается криком.

— Он недоволен тем, что молодой человек отрицает одно из обвинений, — объясняет переводчик.

Потом берет слово обвинитель. Сначала он говорит нормальным голосом, но вдруг переходит на крик.

— Опять то же самое? — спрашиваю я.

Переводчик утвердительно кивает головой. Когда прокурор заканчивает, рядом с обвиняемым встает человек в черной мантии. Он едва слышно что-то бормочет и отходит. Обвиняемого уводят.

— Это адвокат. Он просил суд о милосердии, — поясняет переводчик.

Вводят второго обвиняемого. Процедура повторяется. Перед судом проходят двадцать два человека. После короткого перерыва председательствующий возвращается для оглашения приговоров...

Все время, пока я был в Сайгоне, господин Буи Ба Чук, чиновник по делам печати, ежедневно делал заявления, отрицая факты жестокого обращения с заключенными. Слухи о пытках недостоверны, утверждал он, священник Чан Тин — агент коммунистов. Представителям прессы вскоре будет предоставлена возможность посетить Коншон. Неправда, что посторонним запрещен доступ в тюрьмы. И так далее в том же духе.

Один западный журналист, который прожил в Южном Вьетнаме несколько лет, говорит мне:

— На прошлой неделе исполнилось два года, как правительство объявило, что журналисты вскоре смогут посмотреть Коншон.

И он приводит длинный ряд имен иностранцев, которые за последние месяцы добивались подобного разрешения, но получили отказ, — государственных деятелей, священнослужителей, журналистов, представителей Красного Креста.

В начале июля сайгонское правительство выпустило официальную «Белую книгу» о тюрьмах. Ее заранее разрекламировали как аргументированный ответ на протесты мировой общественности в защиту политических заключенных. На 19-й странице я читаю: «Международный Красный Крест периодически посылает инспекционные группы, которые посещают места заключения и докладывают об условиях содержания заключенных».

Я посетил отделение Международного Красного Креста в Сайгоне. Там мне сообщили, что вот уже около полутора лет представителей этой организации не допускают в тюрьмы.

Один из моих друзей посоветовал мне взять интервью у Чан Ван Тонга, католического священника тюрьмы Чи Хоа. Он известен как защитник правительства и редактор яростно антикоммунистической газеты, но — тем не менее — как человек, который в частной беседе бывает откровенен.

Отец Тонг соглашается принять меня. Я начинаю с вопроса о питании.

— Заключенным полагается на питание каких-нибудь 10 американских центов в день, — говорит он. — Вообще говоря, им дают и мясо, и рыбу, и рис. Но видели бы вы, что это за мясо и что за рыба! Съедобна только горстка риса, да и тот с гнильцой. Что говорить, это только называется едой.

Что он может сказать о пытках в тюрьмах?

Он усмехается:

— Да, конечно, наших тюремщиков овечками не назовешь. Могут подтвердить, что в тюрьмах пытают. Но даже я не много об этом знаю. Ведь все происходит тайно, в следственных центрах.

Разговор заходит о политзаключенных в уголовной тюрьме Чи Хоа.

— Их не всегда можно назвать политическими в прямом смысле этого слова, — говорит Чан Ван Тонг. — Например, их могли арестовать еще американские солдаты, которые хватали каждого, когда входили в деревню.

В Чи Хоа содержатся 635 детей и подростков в возрасте до 16 лет. В женской тюрьме Тю Дюк вместе с матерями находятся 80 детей младше пяти лет.

Мне все же удалось посетить однажды тюрьму и поговорить с заключенными. В тот день я многое понял и осознал. Я получил разрешение присоединиться к группе посетителей — родственников и друзей четырех девушек, переведенных в тюремную больничную палату. Эти заключенные были студентками, работавшими в комитете отца Чан Тина. За протесты против тюремных порядков их жестоко избили.

Мы прошли к приземистому дому с зарешеченными окнами. Все, кто был в палате, радостно бросились к нам. Кроме одной — хрупкая миловидная женщина не встала с цементного пола.

Она сказала мне, что она не может ходить без посторонней помощи. Ей сейчас 22 года. В первый раз Ман попала в тюрьму, когда ей было 17 лет. После заключения в «тигровой клетке», с 1969 по 1971 год, она не может ходить. К тому же она больна туберкулезом. Ее зовут Нгуен Тхи Ман.

Она сидела спокойно, прямо. Я спросил, что она собирается делать, когда выйдет на свободу.

— Если не будет войны, вернусь к занятиям в школе, — ответила Ман.

Чего она больше всего хочет в жизни?

— Мира и свободы для моей родины.

Сожалеет ли она о чем-либо?

— Нет. То, что случилось со мной, не имеет значения по сравнению с тем, что переживает вся моя страна. Я поступала так, как считала нужным. Если бы пришлось жить снова, я повторила бы все, что делала.

Наша беседа оборвалась с приходом надзирателя.

В тот вечер я попросил Чан Тина рассказать мне подробнее про Ман. Он хорошо знал девушку и ее семью. До ее первого ареста в 1968 году, рассказывает он, Ман не задумывалась о политике. Ей просто хотелось помочь пострадавшим от войны.

В первый раз Ман арестовали на улице совершенно случайно. Полицейский ни с того ни с сего потребовал у нее денег. Все обошлось бы, будь у нее деньги. Их не было. Обозленный полицейский привел ее в участок, и тюремная машина завертелась. Тюрьма стала для Ман школой политического просвещения. Когда в 1971 году она вышла на свободу, Чан Тин был немало удивлен переменами в характере девушки. В больнице для покалеченных и парализованных бывших узников Ман, сама еле живая, стряпала, помогала больным, утешала павших духом. Тюрьма не сломила, а наоборот, закалила ее волю, укрепила ее любовь к своему народу, к своей стране.

После второго ареста, в ноябре 1972 года, Ман была помещена в тюрьму Тан Хиен. Родственникам не разрешали посещать даже больных узников. И вот Ман уговорила своих товарищей по тюрьме выступить с протестом. Пятнадцать заключенных во главе с Ман пробрались ночью в амбулаторию и забаррикадировались там. Пока тюремщики пытались ворваться внутрь, заключенные успели написать на стенах лозунги. Ман написала своей кровью письмо директору тюрьмы. В нем девушка требовала человеческого обращения с заключенными. За это ее потом, разумеется, жестоко избили.

После встречи с Ман я часто думал об этой девушке. В день отъезда из Сайгона я зашел попрощаться с одним другом-вьетнамцем. Он только что получил письмо от Ман.

«Мне не спится сегодня. И я беру бумагу, чтобы написать тебе несколько слов. Завтра, 20 июля, годовщина подписания Женевских соглашений 1954 года. Мы проведем беседы по камерам. Мы будем праздновать весь день, петь и смеяться и, может быть, не заснем всю ночь. Вот видишь, мы много страдаем, но иногда и нам бывает хорошо... Что бы со мной ни случилось, я всегда верна своим идеалам, борьбе за мир и независимость моей страны. Куда бы меня ни забросила судьба — я с Вьетнамом, с моей родной страной, с моим народом, с вьетнамцами. Мне тяжело, когда я думаю о семье. Я ведь не помогала им. Наоборот, я причинила им столько горя. Но я не могла продолжать учебу. Как могла я спокойно учиться, когда тысячи людей гибли безвестно в этой проклятой войне! Я верю, что еще буду учиться и помогу своей семье. Но даже если мне суждено умереть в тюрьме, я погибну не зря. Все когда-нибудь умирают. Но если умираешь за свои идеалы, смерть не страшна. Знаешь, когда я так думаю, я забываю про все свои боли и раны. Когда люди довольны и счастливы, все болезни отступают. Уже почти утро. Заканчиваю. Надеюсь вскорости опять написать тебе».

Я спрашиваю друга, на какой срок Ман приговорена в этот раз.

— К десяти годам, — говорит он.

Покидая Сайгон, я увожу с собой записи 84 интервью с узниками и с теми, кто уже на свободе, с их родственниками, адвокатами, с представителями интеллигенции. Со мной различные документы на 500 страницах, магнитофонные записи, рисунки. Я много узнал, но, как выяснилось, недостаточно.

Спустя две недели, на коктейле в Вашингтоне, я завел разговор на эти темы с одним сенатским чиновником, который в свое время готовил предложение о прекращении бомбардировок во Вьетнаме. Оказалось, что судьба политзаключенных в Южном Вьетнаме больше не интересует сенатора — шефа моего собеседника.

— Видите ли, — сказал мне этот чиновник, — времена изменились. Это война всем надоела. Люди больше не хотят о ней слышать.

Как бы я хотел найти слова, чтобы заставить его понять, что Нгуен Тхи Ман все еще в тюрьме...

Перевела с английского А. РЕЗНИКОВА

ЭТОТ МЕСЯЦ ДЛЯ НАШИХ ПОЛЬСКИХ ДРУЗЕЙ ПРАЗДНИЧЕН. 30 ЛЕТ ПРОШЛО С НАЧАЛА ОСВОБОЖДЕНИЯ СТРАНЫ ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ; 30 РАЗ СТРАНА ТОРЖЕСТВЕННО ОТМЕЧАЕТ ДЕНЬ ВОЗРОЖДЕНИЯ. О ДВУХ ПОКОЛЕНИЯХ ПОЛЯКОВ — ТОМ, ЧТО ЗАЧИНАЛО НОВУЮ ПОЛЫШУ, И ТОМ, ЧТО ПРОДОЛЖАЕТ ЕЕ ВОЗВОДИТЬ, РАССКАЗЫВАЕТ АВТОР ЭТОГО ОЧЕРКА.

ЛЮДИ У СЛИПА

Рышард ВУЙЧИК, польский журналист
(специально для «Ровесника»)

Из толкового словаря: «Слип — сооружение для подъема судов на берег и спуска на воду в виде наклонной плоскости, по которой ходит тележка...»

Это слово припомнилось мне, когда, роюсь в своих записях, я как бы увидел их обоих на фоне нагромождения ржавого железа там, на верфях: друг с другом незнакомых, а вот, однако, — благодаря этому слипу, этой наклонной плоскости с тележкой — очень близких друг другу, близких, если не брать во внимание те двадцать лет, что их разделяют.

Он вел меня по набережной, между крутыми горами, голыми склонами, вздувшимися декорациями из листовой стали, вел через лавину гульного эха, которое, разбужая во чреве многоэтажных корабельных корпусов, звучало грозно и странно. Мне, не обжившемуся еще среди стального ландшафта верфи, неотвязно казалось, что я принимаю участие в некоем специально организованном зрелище, цель которого — показать кому-то постороннему наше человеческое всемогущество. Для меня, непосвященного, все это выглядело, как спектакль, где моя роль зрителя сводилась к одному — кричать неустанно: «Нолоссально!»

Мой провожатый, к счастью, даже не думал о том, во власти каких поверхностных впечатлений я нахожусь. Я был для него гостем из иного измерения, одним из пресловутых экскурсантов, и потому шел он молча, с довольно кислой миной, вел меня туда, куда отвести был должен.

Но в какой-то момент он остановился. Перед нами на слипе вздымался гигантский корпус неведомого мне корабля с грушевидным, сильно выдвинутым вперед носом:

— Посмотрите на этот нос... Ах какая линия! Видите эту грушу внизу? Груша — вместо острого волнореза... Сенсация, бомба! Вы знаете, что это? Это фантазия компьютер! Счетные машины начертили именно такой, а не иной профиль волнореза... Факт. Сюрреалисту — и то такого не выдумать!

А потом, когда мы пошли дальше, когда я, нащелкавшись досыта, прятал фотоаппарат, он сказал, небрежно показав на стальную конструкцию, на которой поносился суперсовременный корабль:

— А слип... мой! Сам проектировал. И сам лягу под брюхо кораблика, когда будем его на воду спускать...

— Под корабль ляжете? Зачем? — Чтоб посмотреть снизу, сработает ли слип... Ну, то есть пойдут ли судно на воду легко, или слип попытается удержать этого красавчика в своих, так сказать, объятиях...

Тогда, круто меняя разговор, намеренно наивно я спросил:

— А сколько вам лет?

Лешку Гурскому, моему проводнику по Гданьским верфям, создателю слипа, обозначенного номером «К-3», двадцать восемь лет. Он стал героем этого репортажа в общем-то случайно. Впрочем, судите сами, можно ли это посчитать случайностью.

Так уж получилось, что в один прекрасный день я оказался на верфях с намерениями чисто репортерскими: я должен был

найти в этом лабиринте ржавых корабельных корпусов человека по имени Александр Маковский. Я узнал в Гданьске, что судно, названное этим именем, по-прежнему плавает на Балтике, плавает с 1949 года, а «крестный отец» судна, известный в свое время ударник социалистического труда Александр Маковский, тоже по-прежнему работает на верфях и живет в Гданьске... Интерес мой был двойного свойства: хотелось увидеть своими глазами бригадира, о делах которого много писали в те времена, когда я еще бегал в школу, а кроме того, хотел я узнать — основана ли на реальных фактах популярная в пятидесятых годах повесть Анджея Брауна «Левантинiec», где рассказывалось об обстоятельствах, при которых построенные были после войны первые в стране корабли дальнего плавания водоизмещением в десять тысяч тонн (такие суда на морском жаргоне именуется «левантинцами»).

Когда я появился на верфях, мне дали провожатого, чтобы он отвел меня на участок окончательной доводки судна «М-1» — там и работал Маковский. Так неожиданно мы познакомились с Лешком Гурским.

Когда мы шли по набережной, я, естественно, поинтересовался у Гурского: слышал ли он о Маковском? А может быть, «Левантинца», читал?.. Нет, книги Лешек не читал, а что касается корабля, названного в честь одного из гданьских корабелов, слышать-то слышал, но...

— Встретаться не приходилось. Помните... верфи — предприятие гигантское, я работаю в отделе ТТ — конструкторском бюро, это вроде маленького закоулка в нолоссальном лабиринте... Откуда ж мне знать, что тогда делалось, не так давно я здесь работаю. Я ведь еще учусь, диплом только в этом году защищаю, хоть и работаю уже конструктором... Тем более сороковые годы — откуда мне знать. Глубокая история...

Так и сказал: «Глубокая история». Годы моей юности — «Глубокая история»!

Продолжая наш разговор, я сделал случайное открытие. Я спросил недоверчиво:

— Но почему же, несмотря на маленький ваш стаж, именно вам поручили сконструировать самый современный слип на верфях?

— Во-первых, я к тому времени уже окончил три курса в политехническом, потом все-таки у меня за плечами несколько принятых рационализаторских предложений. Ну и опыт работы со слипами: я же занимался демонтажем старого слипа «Б-3». Древний был слип, ветхий, серьезной работы бы уже не вынес, — отвечал Гурский.

— Слип «Б-3»? Вы точно помните?

— Смешно говорить! Я в этой рухляди каждый кусок железа наизусть знал... Его соорудили из бог знает каких кусков военного дома. Во многих местах виднелись даже дыры от снарядов, кое-где сталь была выгнута взрывами...

— С того самого слипа, который вы разрушили, сошел на воду один из трех наших послевоенных десятитысячников — «Бригада Маковского»!

Я разрушил, чтобы новый построил — буркнул Гурский.

В тот же самый день я встретился с Александром Маковским. Тем самым перовым клепальщиком поднимавшихся из руин Гданьских верфей, руководителем бригады, дела которой стали канвой знаменитой книги...

Мы и начали разговор прямо с книги: — Про меня ли написано в этой книге? — повторил он мой вопрос. — И да и нет... В общем-то писатель придал своему герою облик, «одолженный» у меня. И клепальщиком его сделал; и строит он такой же корабль на десять тысяч, как мы тогда клепали... действие происходит на нашем слипе... И еще тысяча разных деталей, взятых прямо из этой эпохи, из нашей жизни... Но валютчиком-то я никогда не был! И ножом никогда никого не пырнул... Тут уж я ни при чем. Товарищи из партийной организации пригласили потом пана Анджея Брауна на верфи и во время встречи с нашей бригадой выяснили все до конца: Маковский из «Левантинца» — это вовсе не Александр Маковский из жизни! Все равно некоторые до сих пор считают, что я от них скрываю что-то...

Вот подлинная биография человека, который дал свое имя судну.

Маковский родился в 1919 году в Ченстохове в семье рабочего. Изобилием дом не отличался. Отец частенько сидел без работы и с трудом содержал многочисленную семью. Дети зарабатывали на хлеб, продавая газеты, а маленький Алек расклеивал театральные афиши. Как-то расклеил он по стенам целого квартала листовки Польской коммунистической партии. Получил он листовки — помнит это точно — от старого каменщика-коммуниста Кальвата. Когда «преступника» схватили полицейские — о Кальвате не обмолвился ни словом. Это событие стало точкой отсчета в его жизни. Когда пришел 1939 год — взял в руки оружие, пошел защищать Польшу. После многодневных кровавых боев гитлеровцы окружили под Енджеевом его 27-й пехотный полк, и Маковский очутился в плену. Бежал из траншпорта, но был схвачен и в наказание отправлен в концлагерь при фирме «Герман Геринг, Верке». Маковский выжил, дождался дня, когда советские солдаты сокрушили ворота тюрьмы-рабрина. На танковой броне проехал Маковский по Берлину...

Танки ушли дальше на запад. Маковский — пешком на восток. Перейдя Одер, прочитал наклеенный на столбе призыв к многочисленным полякам, возвращающимся на родину: польские западные земли нуждаются в рабочих руках. Для восстановления портов нужны слесари-механики, сварщики...

21 августа 1945 года Маковский явился в администрацию Гданьского порта.

— Никто не верил, что нам удастся восстановить порт, поднять из руин Гданьск... При виде всего, что тут было, руки опускались. Первая моя работа: подъем потопленного буксира «Титан». Первое жилище: сырой подвал в портовом квартале. Жил я тогда на сухом хлебе и консервах.

На работу мы каждый день выходили с красными флагами. Поскольку была уже у нас ячейка Польской рабочей партии. Члены партии добровольно работали и после смены. Люди, изголодавшиеся, измученные, инструменты еле держали... Тем не менее был у нас даже свой оркестр, который играл нам под открытым небом; задержится, бывало, прохожий и... глядишь, сам за лопату возьмется... Мы старались воспитывать людей собственным примером...

— Вы принимали участие в строительстве первого нашего судна «Солден» в десять тысяч тонн?

— Да я и самого Штаека Солдека знал. Вместе загоняли клинья под корабль, который потом его именем назвали: «Солден»... Это было в 48-м. И в том же году подготовили к спуску «Рабочее единство», ну а в 49-м «мою» лайбу... Тогда ведь все-го не хватало: стали, машин, рабочих рук. Мы заклепки собирали по всему побережью... Бывало, из земли выковыривали. Сегодня кому это расскажешь, думает небось, что все это байки, а ведь было же так... Теперь-то клепки ставят только в машинном отделении, где самая сильная вибрация, а тогда весь корпус на заклепках. Ох, работка! Особенно, когда дно клепаешь снизу. Сидишь на корточках, скорчишься весь, раскаленная заклепка огненным комом над головой, молотком по-человечески не стукнешь, а шум — прощай уши. Восемь часов подряд! А потом еще собрания, выезды в село на жатву, крестьянам помогали — урожай гнил на полях... «Товарищ Маковский, вы нужны там, вы нужны здесь!» А я ведь был недоучкой, на бегу все осваивал. Грыз математику, да и польским не грех заняться было. Все-таки уж мастером стал, под моим, так сказать, руководством двести семьдесят парней... Люди рвались и на учебу, и на работу. Видели: мы строим такие суда, о которых в Польше и мечтать не смели. Мы, которые из войны вышли голыми-босыми... Мечты Маковского не сбылись: инженером он не стал. Когда другие шли учиться, он клепал борта очередных «левантинцев». Надо же было кому-то руководить бригадой, кому-то надо было платить добровольным отказом от карьеры за продвижение других. Люди, которые сознательно приняли на себя тяготы самоотречения, и были тем поколением, что поднимали народную Польшу.

Маковский говорит:

— Пригласили меня как-то в Щецин на юбилей года три-четыре тому назад. Поехали мы с женой и сынишкой — посмотреть на «Бригаду Маковского». Я же своего корабля сколько лет не видел! Думал уж, что товарищи мне из деликатности всей правды не сообщают... ну, что корабль на слом идет... Отслужил ведь свое. Десять тысяч рейсов! А гляди-ка: корабль свежестроенный, выглядит молодо — прямо невеста, вроде бы только-только на воду сошел... Жена смотрит, не может понять — что это я там делаю. А я свои заклепки ощущаю, весь корпус осмотрел подробно... Заклепки держатся как влитые. Моя работа! — И добавил мечтательно: — А «Бригада» еще поплавает!

...Вторая встреча с Лешеном Гурским. Дома, у родителей. Родители: мать работает на почте, отец — банковский служащий. Когда я пришел, Лешка еще не было. Он звонил из института, что опоздает, — через два дня экзамен. Пока что мы разговаривали с паном Гурским. Передо мной фотография моего собеседника в полосатой робе заключенного концлагеря. Мы говорим о том, как долго останутся в памяти народа следы войны и оккупации. Входит младший брат Лешка, студент консерватории. Он кладет на стол запис-

ВИЗИТ К ВАМ — так говорили о своей фотовыставке — она недавно экспонировалась в Советском Союзе — ее польские организаторы. «Выставка, которую мы передаем на ваш замысловатый товарищеский суд, — писали они в проспекте, — была подготовлена в самое короткое время благодаря самоотверженным усилиям наших коллективов, при широком участии ведущих польских фотохудожников...

А теперь желаем вам, чтобы посещение выставки стало для вас приятной встречей со страной друзей и оставило самые яркие впечатления».

«Я никогда не был в Польше, — записал в книге отзывов один из многочисленных ее посетителей. — Но теперь могу сказать: «Я видел и знаю вас. Вы молоды и счастливы — вам 30 лет!»

ную книжку брата — еще со школьных лет. Этот дневник, говорит младший Гурский, расскажет о Лешке больше, чем длинный разговор. Я с интересом открываю книжечку и сразу попадаю на фразу: «У каждого такой Космос, который он заслужил». Подпись: Джанни Родари, итальянский писатель. И дата: 1962.

Когда придет Лешек, перепису с его разрешения еще несколько фрагментов: «Там, где разум спит, пробуждаются упыри», «Для себя или для бога — через труд всегда дорога» (народная поговорка), «Если курица клюет соседскую пшеницу, отгони ее — завтра начнет клевать твою», «Даже когда рот закрыт — вопрос остается открытым», «Книги — души людей»...

Тут приходит Лешек.

— Как я попал на верфи?.. Очень просто: через море. Короткая дорога. Книжки, детские мечтания о дальних странах, сопливая фантазия. «Остров сокровищ», «Моби Дик», книги Тура Хейердала... У меня на работе в столе рассказы Александра Грина. Когда осточертеет работа у культимана — раскрываю украдкой эту сказочно яркую книгу... Но, честно говоря, никогда не думал, что к «моему» морю попаду через верфи.

В лицее у нас были отличные учителя. Они знали, что наше время — время скорее машин, чем книг. И они старались помочь книгам. Моя учительница польского, вручая мне аттестат, сказала: «Тебе нельзя быть узким специалистом». И я эти слова запомнил. Потому, наверное, была у нас в лицее собственная опера, потому никто из учителей не смеялся над моими стихами.

В 1962 году Лешек Гурский прочитал на майском литературном вечере в лицее собственные, несколько наивные, стихи: Теперь, когда врагов изгнал наш край, Когда работать, жить все можем мы

спокойно,

Пускай цветут цветы, пусть будет месяц май,

И пусть навеки к черту войны!

Сколько ему тогда было? Шестнадцать лет. Значит, он один из тех, кого у нас называют — чересчур навязчиво — «из биг-битового поколения», так ведь? Именно о них — ...на двадцатилетних уже тогда писали, тогда уже злобеще пророчили: «вопящее поколение», «путешественники автостопом по жизни», «безыдейные»... Это о них — «вообще не романтики, скорее трезвые до цинизма»... А этот вот парень испускал тогда наивными стишатами тетрадку!..

Лешек говорит и говорит, не замечая моей авторучки:

— С аттестатом зрелости в кармане я направился в мореходное училище. Но в морские волки я играл недолго. Выяснилось, что строительство кораблей нравится мне куда больше, чем топанье по палубе. Для меня сейчас корабль на стапелях выглядит как утонченная абстрактная скульптура, как сказочный чудо-дворец! Все в нем стальное, функциональное — как в конструкции пчелиного крыла, появившегося в результате миллионов лет эволюции. В общем, подал я документы в Государственное политехническое училище, на кораблестроительный. И начал работать на верфи слесарем-водопроводчиком, потом — монтажником трубопроводов. У профессора Сенницкого я сделал типовой расчет мотора на 300 лошадиных сил, 900 оборотов в минуту. До сих пор мое решение считается в институте образцовым. Ребята меня стали именовать «паном профессором». Студенты у нас отличные, отношения у нас самые дружеские. Еще в школе получал я дипломы на спортивных соревнованиях: по художественной гимнастике, дзю-до и баскетболу. У нас дома в подвале мы с ребятами занимались культуристической. Вообще человек, который над собой маленько работает, выглядит иначе. И фигура, и движения, и мускулатура... Распускаться нельзя! Вы читали «Мартина Идена»? Любимейшая моя книга. Еще люблю роман о Паганини Анатолия Виноградова. Я и сам немножко на скрипке играю...

Каждый день Лешек встает в 5.15, а в 6.30 он уже на работе. До часу — в конструкторском бюро, а в четыре начинаются лекции в политехникуме. Домой попадает дай бог в девять, а то и позднее. Перед сном — гимнастика, почитать еще надо или пластинки послушать.

К тому же он председатель комитета Союза социалистической молодежи в своем отделе. В конце беседы я спрашиваю: что он хочет делать дальше? Лешек отвечает без запинки:

— Моя будущая специальность — судовые моторы. Ведь моторы — это, знаете, сердце корабля, то, что движет все его огромное тело. Тут еще до черта сделать надо!

Перевел с польского Л. МИНЦ

СУПЕРМАРКЕТ ДЛЯ МАЛЕНЬКОГО СЧАСТЬЯ

Эрих КУБИ,
западногерманский
журналист

Эта диковинная промышленность. Чего только она не изготавливает: игрушечные автомобили и портретики папы римского, пивные кружки в виде головы Гитлера и брелоки, слащавые изображения Христа с барашком (их вешают над брачным ложем) и фигурки мадонны — из гипса, стекла, пластмассы, большие и совсем миниатюрные. Сама же мадонна является то в облике блондинки, то с волосами черными как смоль, то приторно-благочестивой, то смахивающей на игривую куртизанку — в зависимости от того, для кого предназначен товар. В бескрайнем ассортименте этой промышленности — фальшивые гобелены с красочными оттисками Гейдельбергского замка и зверей всевозможных форм и размеров; наклейки с «юмористическими» надписями вроде: «Служебная машина мафии»; картинки с цветами и стearиновые статуэтки-свечки; держатели для рулонов туалетной бумаги, наигрывающие, наподобие шарманки, нехитрую мелодию; корпуса телевизоров, приспособленные под почтовые ящики, и многое в том же духе.

Поставщики и коммерсанты, сбывающие эти безделушки, делают ставку в первую очередь на туристов; кому не захочется приобрести по дешевке «вещественное доказательство» своего путешествия, чтобы по возвращении домой «утереть нос» друзьям? Как не похвастать, к примеру, «ритуальной маской из Камеруна», тем более на ней ведь не написано, что она сошла с конвейера фабрики в верхнебаварском городе Мурнау-ам-Шаффельзее.

«Воспоминания составляют важную часть человеческого сознания», — заметил в этой связи обер-бургомистр Висбадена Шмитт, открывая недавно «Международный салон сувениров и подарков». Так называлась состоявшаяся в Висбадене ярмарка пестрой продукции, выпускаемой индустрией, профиль которой определить в двух словах весьма трудно. В ярмарке приняли участие двести предпринимателей и оптовиков. Все вместе они ворочают капиталом в полмиллиарда марок в год — деньги огромные, если учесть, что «набегают» они за счет реализации предметов, которые стоят максимум 10 марок каждый (100 марок равны 28,5 руб.).

Беседуя с типичным представителем этого бизнеса — хозяином фирмы, торгующей подделками под старинное оружие. Ее «фирменное блюдо» — муха из латуни размером с человеческую ладонь. Механические безделушки «с

секретом» — последний крик китч-моды. У латунной мухи можно поднять крылья — получается пепельница.

Поставщик мух охотно делится коммерческой информацией: «Разошлось уже верных десять тысяч штук. Наши мухи идут нарасхват; видите ли, они, по мнению покупателей, «жутко симпатичны». Пепельница в виде мухи — это что-то новое, необычное. Вот их и раскупают».

Это и есть тот принцип, которым руководствуются бизнесмены от китча: покупатель жаждет «чего-нибудь новенького», чего ни у кого нет.

«Каждые два месяца мы совещаемся с оптовиками, — рассказывает один фабрикант. — Ни одна идея на этих совещаниях не отвергается с порога, пусть даже речь идет об откровенной гадости, специально рассчитанной на то, чтобы вызвать у нормального человека отвращение. В нашем деле годится все, запретных тем нет, кроме разве что откровенной порнографии».

Это верно: индустрия китча гибко и оперативно реагирует на то, что «витают в воздухе». Правда, есть один объект, которого нововведения не касаются. Это статуэтки гномов, которые обычно расставляются в палисадниках. Внешне они остались такими же, как и сто лет назад. Только теперь их делают не из обожженной глины, а штампуют из пластмассы или гипса.

Вдали от больших городов, в идиллическом местечке Лаутербач (земля Гессен, ФРГ), некто Вальтер Денк производит ежегодно миллион таких гномов. Всего их в Западной Германии выпускают полтора миллиона в год. Гномы пользуются большим спросом, хотя и не претендуют на «полезное применение», как, например, латунные мухи-пепельницы. Тут срабатывает другой механизм: пусть садовые гномы бесполезны, зато они милы и безобидны и истари пользуются в народе симпатией. В отличие от других китч-товаров они рождены фольклором, и для бюргера они само воплощение душевности. Но все же полтора миллиона в год — не много ли покупателей? На первый взгляд ничего особенного. Ведь речь идет не о тех, кто имеет деньги, чтобы приобретать предметы роскоши и искусства; не они составляют клиентуру этого китч-бизнеса, а так называемые широкие слои населения. Но тогда выходит, что мы говорим о людях, которые привыкли тратить деньги почти исключительно на вещи, находящие полезное применение. Что же получается: люди, у которых на счету каждая марка, приобретают бесполезную вещь, вещь, которая

не принесет равно никакой выгоды (ведь не появилось же пока торговли поддержанными гномиками или мадоннами!), — нет, этот факт заслуживает внимания!

Странная расточительность людей, которые во всем остальном до предела рассудительны и экономны, должны иметь причину, за ней должна крыться какая-то элементарная потребность. В чем же суть этой потребности? Тот, кто знает мир простого человека, знает и ответ на этот вопрос. Приобретение недорогой вещицы, которая и сделана-то нарочно такой, чтобы не иметь никакого «полезного» применения, — это акт пусть мимолетного, кратковременного, но все-таки освобождения от узды ежедневной рабочей рутины.

Фигурка голой девушки с лентой через плечо (на ленте — название города), мадонна, неизвестно зачем упрятанная в стеклянный шар, гномик — во всех этих вещицах запрограммирована «нематериальная» потребность покупателя. Для того, кто приобрел их на заработанные своим трудом деньги, они имеют ценность психологического свойства. Человеку, может быть, попросту леньно позволить себе потратиться на ненужную в хозяйстве безделушку. К тому же сама покупка не требует от владельца никаких действий — смотри на нее, и только. А главное — ничто в этой безделушке не напоминает человеку о его фабрике или конторе.

Статуетка садового гнома и есть классическая немецкая антитеза миру работы. Нечасто увидишь, чтобы она торчала в палисаднике или в ящике с мхом на подоконнике в сиротливом одиночестве. У гномов общительный нрав. Во всяком случае, хозяин понимает, что гному нужен собственный, подходящий мирок. И он строит этот мирок: водружает в саду игрушечный замок и мельницу, устраивает водопадик, покупает статуэтки, скажем, косуль и, конечно же, новых гномиков. Между садовым забором и стеной дома возникает мир сказки, в котором человек прячется от забот рабочих будней.

В один прекрасный день мимо этого сада проходят два молодых человека. Они учились в школе, сейчас учатся в университете. В общем, образованные люди, с развитым вкусом. Один говорит другому: «Глянь-ка на этот китч!» И они идут дальше своей дорогой. А в саду в этот момент возится хозяин дома — устанавливает опрокинутую статуэтку косули. Он размышляет: китч? А что это такое? Он и не знал, что дружелюбных и несмышленных

жителей его садовой идиллии можно называть этим словом, и даже не подозревает, что это слово — насмешка над его волшебным мирком.

Постоянные клиенты супермаркета мини-счастья не рассуждают о проблеме китча. Они наивно потребляют то, что представляет им индустрия ярко раскрашенных, смешных, сентиментальных вещиц — никчемную дребедень, отбросы культуры.

Но и те, другие, кто называет китч китчем, в последние годы открыли для себя совершенно новое увлечение. Как ни странно, и они сейчас покупают продукцию китча, собирают целые коллекции. Развешивая по стенам своих квартир халтуру, они мысленно как бы берут свои действия в кавычки. Вооружившись против соблазнов китча иронией, они считают, что имеют иммунитет против дешевой сентиментальности. И тут эти люди часто впадают в поразительный самообман. Они играют с китчем, возможно, от пресыщенности, от скуки. Но китч, перед которым распахнули дверь, обладает силой лесного пожара. И вот уже «интеллектуалы» вздохом расхваливают китч-фильм «История любви». Вот уже бульварная литература перекошевывает на киноэкраны. И мода склоняется перед китч-модой.

Говорить о четких эстетических критериях такого расплывчатого понятия, как китч, затруднительно. Скажем, техника серийного производства достигла такого совершенства, что иной раз даже специалист не отличит копию от подлинника. (Не случайно на последней национальной художественной выставке Федеративной Республики Германии продукции такого рода был отведен специальный раздел.) Произведение, бывшее музейной редкостью, тиражируется в огромном количестве экземпляров. Что это — искусство или китч? Впрочем, эта проблема для специалистов. Мы же ведем речь о другом, о кровенном китче. Сусальная мадонна внутри стеклянного шара, сам шар на пьедестале из стальной спирали — последний шлягер типичного, откровенного китча, распространенного в Италии. Или взята очень популярную копию головы Нефертити. Ее выпускают в сотнях тысяч экземпляров различной величины. Некогда уникальное произведение искусства превратилось в декоративную поделку...

Развитие техники вроде бы затушевывает грань между настоящим искусством и поделками под него. И все же грань эта есть, как и прежде. Только я вижу ее не в эстетическом, а в социальном плане.

Китч-продукция предназначена для определенного, и очень широкого, слоя общества. Ее потребляют люди, которым школа дала только интеллектуальное образование, но никак не духовно-эстетическое. Да, это горькая правда. Многие в нашей стране, не получив никакого духовного и эстетического воспитания, естественно, не подготовлены к пониманию настоящего искусства, к восприятию искусства как органичной части человеческой жизни. Китч как раз и заполнил этот вакуум больше чем когда бы то ни было.

Под «больше чем когда бы

«СОН С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ»

А какая, собственно, беда от этих фальшивых гобеленов, гипсовых кошечек и «ритуальных масок из Камеруна»? — спросит иной читатель, пробежав статью Эриха Куби. Почему все это противопоставляют подлинной культуре? Почему называют хлестким, как пощечина, словечком «китч» — «халтура», «чепуха», «барахло»?

Всю жизнь человек окружен какими-то вещами. Мир вещей — особый мир. Он безмолвен и подчас незаметен, но это призма, через которую человек видит окружающее. Поэтому сила его воздействия необыкновенно велика: он возвышает или принижает, обостряет чувства или притупляет их, зовет на борьбу или примиряет с действительностью. Он может льстить или дерзить... Мы вот часто слышим: «настоящая», «подлинная» культура. Но культура в широком смысле — это раскрытие (культивирование) сил, способностей, талантов, заложенных в человеке, а также тот внешний мир, который способствует этому. Культура — это постоянное самораскрытие и самовозвышение человека — через труд и борьбу. Первая серьезная книга, прочитанная вами, первая картина, первая симфония... Они наверняка стоили вам труда. А многое оставалось неясным, потому что настоящее искусство не по-такает, не льстит неразвитому вкусу. Но зато со временем оно научало вас открывать в мире новые краски, линии и новые звуки, новые глубины в человеческой душе, новые грани в человеческих отношениях. Вы не просто становились искуснее в музыке, живописи, литературе — вы становились мудрее и духовно богаче, делали щедрее и могли совершить для людей, для общества больше, чем раньше. Вы становились счастливее.

Ну а китч? Китч — часть так называемой «массовой культуры», в которой господствуют законы и дух коммерции. А это значит, что он не станет заботиться о развитии вашего интеллекта или вкуса — ему го-

то ни было» я имею в виду следующее. Во-первых, производство китча от литературы, музыки, живописи, скульптуры достигло чудовищного размаха. Во-вторых, техницизация и заорганизованность мира труда обостряет в человеке потребность в «человечном» мире. Декорацию такого мира и подсовывает китч, а многочисленные жертвы непродуманного и неудачного воспитания просто душою берут то, что им дает наш огромный супермаркет маленького счастья.

Перевел с немецкого
Б. СЕНЬКИН

раздо выгоднее просто эксплуатировать «наличный» вкус — и чем он грубее и ниже, тем лучше для фабрикантов китча: меньше хлопот.

Стандартная гипсовая «кошечка» и латунная пепельница «муха» — вещи сами по себе вроде бы и невинные, особенно если к ним относиться с иронией. Но прав Куби: «Китч, перед которым распахнули (я бы даже сказал — приоткрыли) дверь, обладает силой лесного пожара». Ведь он не требует от вас никаких усилий сознания: он мил, легок, сентиментален и потому всепроникающ. Вы вдруг обнаруживаете, что незаметно для себя увлеклись китчем, создали коллекцию «кошечек». А теперь берегитесь — теперь уже «кошечки» станут «создавать» вас — «кошечки», «нефертити», брелоки, пивные кружки, «гобелены»... Они теперь будут определять исподволь ваши эстетические (и этические) критерии, интересы, ваше видение мира и отношение к нему. И тут порою бессильна даже ирония «интеллектуала». Что уж тогда говорить о среднем человеке, которому хочется отдохнуть после нудной работы, хочется хоть немного красоты, счастья и тепла. Извольте — китч к его услугам. Покой и счастье за несколько марок. Только счастье это — стандартно-серийное, иллюзорное. И даже не счастье, а «сон с открытыми глазами», как говорил о «массовой культуре» итальянский марксист Антонио Грамши. Вот почему бьет тревогу Эрих Куби. Вот почему и нам не грех иной раз задуматься о своих хобби, о своих вкусах. Мы живем в иных социальных условиях. У нас огромные возможности роста. Но как мы используем эти возможности — зависит уже от нас самих. Меццанские идеалы красоты и счастья обнаруживают удивительную живучесть, а борьба с ними требует и усилий, и желания, и воли. Поэтому так важно порою «себя преодолеть».

Э. БАТАЛОВ, кандидат
философских наук

ОБРЕЧЕННЫЙ НА УСПЕХ

В последние годы часто говорят и пишут о кризисе Голливуда, о пустующих кинотеатрах. Неудивительно, что кинопромышленники делают ставку поэтому не просто на «нашумевший фильм», но на фильм, нашумевший еще до своего появления. Перед вами кадр как раз из такой ленты, заранее «обреченной» на финансовый успех, «Великий Гэтсби» (эранизация одноименного романа известного американского писателя Ф. Скота Фитцджеральда). Фирма-студия «Парамаунт пикчерс» собрала от предварительной продажи билетов на «Гэтсби» еще до его премьеры, состоявшейся 27 марта этого года, 18,6 миллиона долларов, что почти в три раза больше расходов на съемку. Все решила рекламная арт-подготовка, которую злые языки окрестили «Гэтсбизацией всех и вся». «Стригитесь как в «Гэтсби»!», «Одевайтесь под «Гэтсби»!», «Покупайте каблуки и сквороды стиля «Гэтсби»! — убеждали американца промышленные фирмы, взявшие на себя часть расходов по производству картины. «Хореографы» этой кампании, по мнению журнала «Тайм», расценили трезво: американцы должны побеждать на «Гэтсби», потому, что, во-первых, очень любят книги Фитцджеральда, а во-вторых, испытывают тайную ностальгию по 20-м годам — время действия «Гэтсби».

...Кинообозреватель английской газеты «Обсервер» назвал «Гэтсби» «почетным провалом». Многие критики, оценивая художественный уровень картины, обошлись и вовсе без эпитета «почетный». Президент «Парамаунт пикчерс» Ф. Ябланс с улыбкой парирует: «А если и так?»

ДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ДЛИННЫХ МАКАРОН

В итальянском городе Империя создан Музей истории спагетти. О национальном блюде рассказывают многочисленные декорты и акты, книги, гравюры, письма. Документы опровергают мнение о том, что в Италию спагетти были завезены Марко Поло из Китая: еще до возвращения путешественника их готовили в Генуе. Любопытен «Зал славы» музея, в котором выставлены фотографии выдающихся любителей спагетти. Среди них: Ингрид Бергман, Фернандель, Ава Гарднер, София Лорен и Ромоло — слон из римского зоопарка, поглощающий ежесекундно не одну тонну спагетти.

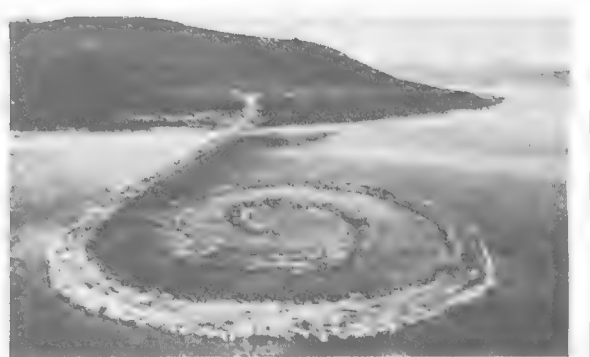
ДЬЯВОЛ И К⁰

Маскарад закончен, можно начинать! Нацепив рога а-ля дьявол, настоятель «Первой церкви Сатаны» некто Антон Ла Вей приступает к «церемонии бестий». Общением с духами занимается все семейство этого американца из Сан-Франциско — жена и 19-летняя дочка Карла, скромно аттестующая себя «законченной ведьмой». И эта семья не одинока. Журнал «Штерн» (ФРГ) пишет о настоящем буме «всяческой чертовщины» во многих странах Запада. Буме, порожденном «духовной нищетой и кризисом личности». Ну а каждый кризис, как известно, — бурное время для ловкачей типа Ла Вейя.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛАНДШАФТ

На снимке вы видите две закручивающиеся в спираль траншеи, прокопанные в американской пустыне Невада. Диаметр спирали — 500 метров. Автор — художник Майкл Хейзер. Свое произведение он назвал «Двойной негатив» и оценил в 20 тысяч долларов; оно уже приобретено швейцарским коллекционером. Вот причудливая песчаная насыпь длиной в один километр, воздвигнутая скульптором Смитсоном посреди соленого озера в штате Юта, покамест ждет своего покупателя. За нее надо заплатить 30 тысяч долларов.

В обоих случаях речь идет о новом направлении — «ленд-арт», «ландшафтным искусстве». Для создания творений в этом жанре художнику приходится, выйдя на природу, засучивать рукава и решительно преобразовывать ее с помощью бульдозера или динамита. Что говорить, затраты

труда — значительные. Скажем, для «Двойного негатива» Хейзеру пришлось вынуть 40 тысяч тонн грунта под палящим солнцем невадской пустыни. Любопытство в нужном ракурсе «ленд-артными» произведениями тоже не просто: для этой цели нужен вертолет. Так что далеко не каждый годится в ценители прекрасного.

Еще одно неудобство — владелец при всем желании не в состоянии увезти с собой покупку. Более то-

го — ему необходимо сразу же принять меры по защите творения от непогоды, ибо, если поднимается буря, его деньги будут в буквальном смысле выброшены на ветер.

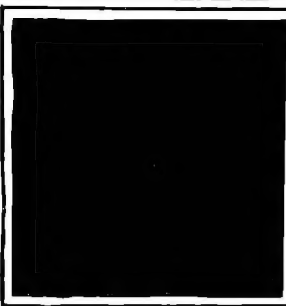
Ну а в остальном, как пишет американский журнал «Ньюсуик», «ленд-арт» обладает неоспоримым достоинством — купленный под него участок не представляет опасности для загрязнения среды отходами. Разве что вдруг под творением обнаружат нефть...

МИСТЕР КИРК УВЕКОВЕЧИЛСЯ

Ах эта страсть увековечивать свое имя — на деревьях, стенах, скалах, где угодно, — лишь бы все знали, что здесь побывал такой-то. В свое время Остап Бендер, любящий насильными эпиграфами типа «Коля и Мина, июль 1914», не удержался и предложил Ипполиту Матвеевичу «забить Мике баки» — украсить Дарьяльское ущелье строчкой «Киса и Ося здесь были». И вот перед вами, читатель, творчество людей, которые вполне «забили Осе баки». Огромным вечно-зеленым кантусам, растущим на острове Ямайки, что в карибском море, не избавиться, покада они живы, от хронических собственных передвижений: «Кири здесь», «Тампи приехал», «Килтон», «Харон» и т. д. и т. п. Но не только перочинные ножички туристов ведут наступление на девственные еще вчера кущи Ямайки. Вот впечатления западногерманского писателя Райнхарда Баумгарта от недавнего путешествия по этому острову: «Кингстон (главный город Ямайки) встречает нас тучами грязно-желтого дыма и пыли, извергаемыми цементным заводом... Вокруг — только высохшие бурные старинники. Ни голубого неба, ни зеленых тропиков, ни намека на райскую Ямайку».

В самом деле, за каких-то пять-шесть лет остров изгажен настолько, что уже при подходе корабля чувствуется запах гниля, плывущий над океаном. Ресурсы местного бюджета — слишком слабая защита от двойного удара со стороны промышленного и туристского бизнеса.

А ЧТО РИСУЮТ?

«Послушайте, уважаемый! Что-то я не пойму, почему погасили свет — то ли это правительство приняло срочные меры в связи с энергетическим кризисом, то ли уже кризис настал, не дожидаясь, пока правительство примет срочные меры?»

(Карикатура Клеричетти, «Эпока», Милан)

МАЛЕНЬКИЙ МОЦАРТ?

Жили-были на окраине городка Анверса в обыкновенном, скромном доме восемь Фаньони. Отец Фаньони, плотник, мать Фаньони, домохозяйка, и шестеро маленьких Фаньони, их дети. самого младшего из Фаньони звали Энрико.

Пару лет назад в мастерскую плотника привезли старый-престарый рояль. «Сможешь, — сказали, — почини. А нет, так выброси». Рояль долго пылился, но время от времени к нему подходил кто-нибудь из детей и извлекал дребезжащий расстроенный звук. Однажды подошел четырехлетний Энрико. В это время по радио передавали какую-то песенку; Энрико, прослушав ее внимательно, к общему неопишному изумлению, песню повторил. Плохо, нестройно и неграмотно, но ведь и инструмент был не в порядке, да и — самое главное — никто никогда не учил малыша играть!

Недавно Энрико Фаньони играл на рояле перед камерами римского телевидения, и теперь он знаменит. К вундеркинду, к «новому Моцарту» потянулись итальянские жуаналисты.

— Расскажи мне свою историю, Энрико, — попросил корреспондент «Эуропо». — Как начал ты играть?

В ответ молчание. Малыш неразговорчив. В школу он ходит несколько дней, еще не умеет читать, а пишет лишь свое имя. Не знает ни одной ноты. Играет Баха и Моцарта, Битлз и Россини, Гершвина и поп-песни. Причем играет мощно, не по-детски. Это мнение специалистов. Сам сочиняет музыку. С не меньшим удовольствием играет и с автомобильчиками.

— Почему ты начал играть на рояле?

— Так... нравится.

— А как это у тебя получается?

— Ну, просто... Надо только нажимать на клавиши.

— А что больше тебе нравится — играть в автомобили или на рояле?

— В автомобиле... Нет... На рояле. Как когда.

— А кем ты будешь, когда вырастешь?

— Гонщиком...

„ЛБВЫ“ У ВОРОТ

Каждый год в один и тот же день — 15 июля — у дверей салонов ведущих парижских модельеров устраивается живописная очередь мужчин. Все без исключения — носители громких фамилий, наследники внушительных капиталов. В старые времена таких называли «светскими львами» и «прожигателями жизни», а сейчас именуют на американский манер «плейбойми». Что приковывает их к тротуарам у домов «большой моды»? Новые модели одежды? Ни в коем разе. Они прибывают для «оценки» девушек, которые эти модели показывают. Для знакомства с манекенщицами.

Корреспондентка журнала «Пари-матч» провела с предпринимателями аристократами блиц-интервью.

— Чтобы тебя заметили, лучший способ — появиться в сопровождении манекенщицы от Диора.

— Нас называют «стервятниками»? По-моему, это должно лстать.

— Знакомство? Только вопрос денег.

— Что потом? О, непременно цветы на память!

Мнения манекенщиц звучали иначе:

— Они смотрят на нас как фермеры на скот.

— Каждый год один и те же рожи!

— Это — мафия!

Корреспондентка заключает: «Итак, ярмарка у дверей Диора открыта. Владельцев нетугих кошельков просят не беспокоиться...»

МАСКАРАД. Нью-Йоркский полицейский Эдди Мэхони, выполняя приказ начальства, переоделся в «костюм» хиппи и в таком виде устроился на Таймс-сквер. Маскарад удался: в первый же день он был дважды обворован под угрозой применения оружия. В третий раз — едва следующим утром он заступил на дежурство. Начальство предоставило Эдди отгул для «успокоения нервов».

О ПОГОДЕ. Недавно английские метеорологи провели пятичасовую предупредительную забастовку, требуя повышения заработной платы. В тот день диктор лондонского радио извинился перед слушателями за то, что обычной сводки погоды не будет, и добавил: «Я смотрю сейчас за окно и вижу, что сегодня погода прекрасная. А что будет завтра — знает один господь бог». В связи с этим лондонские газеты отметили: «Наконец-то вместо неопределенных предсказаний мы услышали точный и откровенный прогноз погоды».

ЛИНИЯ ДОКТОРА СПОКА

Бенджамин Спок родился в 1903 году. Его имя получило известность в Америке в 1946 году. Для нескольких поколений он стал национальным «доктором Айболитом», для большинства специалистов — незаменимым, добрым советчиком. Его книга — «Ребенок и уход за ним» — издана миллионными тиражами на 26 языках мира (в том числе и на русском).

С 1968 года имя доктора Спока замелькало на полосах газет, рассказывающих о самых горячих событиях в политике. Первому из «бостонской пятерки» ему было предъявлено обвинение в заговорщической деятельности, выразившейся в том, что он, 65-летний доктор Спок, публично поддержал движение против эскалации преступной войны во Вьетнаме, что именно он, воспитатель молодого поколения, обличал в университетских кампусах антигуманный, человеконенавистнический характер авантюры... Обвинение в конце концов было снято.

Все это дело прошлое. Отчего же сейчас вокруг имени Спока такой шум, отчего бесчисленные интервью, очерки, репортажи? Поводом стала новая статья Спока, в которой он писал, что зачастую его принципы воспитания понимают неверно. Да, он за любовь и доброжелательное внимание к ребенку. Да, он против подавления инстинктов и желаний ребенка. Да, он за эластичность в воспитании, но он и против закабаления родителей детьми, против замены авторитета и лидерской роли родителей полнейшим всепрощением и вседозволенностью.

«Это по вашей вине мой сын стал бандитом», — посыпались в адрес Спока письма неудавшихся родителей. «Стыдитесь, это вы изуродовали поколение», — писали в газетах политики, напуганные активным неприятием молодежью основ привычного образа жизни.

Тревожащий рост молодежной преступности, конфликт поколений, распад семей, одиночество, отсутствие духовных ценностей и внутренних запретов — все это, на взгляд Спока, есть результат пороков самого общества, постоянного обмана ожиданий молодежи, ее веры в честность и порядочность.

ПОДРОСТКИ

Воскресный день. Вторая половина дня. Семнадцатилетний парень топчется на углу. К нему подходит шестнадцатилетняя девушка.

Парень. Могла бы и поторопиться. (Наконец-то пришла все-таки!)

Девушка. Муттер моя прицепилась. (Так боялась, что вообще не смогу прийти.)

Парень. Ну ладно, двинули. (Сейчас ее поцелую, как решил.)

Девушка. Куда? (Неужели целый вечер будет со мной?)

Парень. У тебя много времени? (Какая красивая!)

Девушка. Моя муттер сказала... (Наверно, любит меня...)

Парень. Надоела мне твоя муттер. (Хочу обнять тебя!)

Девушка. Мою мать оставь в покое! (И ему она надоела. Значит, любит.)

Небрежной походкой бредут по улице.

Парень. В кино хочешь? (Хоть это из себя выдавил.)

Девушка. А что идет? (Хорошо, что он такой напористый.)

Парень. До шестнадцати не пускают. (Если сейчас начнет строить из себя, я ей выдам.)

Девушка. Мне уже шестнадцать. (Думает, я испугаюсь.)

Парень. Начало в половине пятого, успеем. (Она пойдет со мной, пойдет!)

Бредут по улице дальше.

Девушка. Ты видел вчера передачу «Кто что умеет»?

(Почему не позвонил вечером?)

Парень. Подумаешь, удивили, теперь все. поют. (Если

бы я решился позвонить, она бы, может, и вчера пришла. Ну и тюфяк я!)

Девушка. Тогда почему ты сказал, чтобы и я попробовала там петь? (Ему нравится мой голос. Правится!)

Парень. Я сказал?! (Каждое мое слово помнит. Наверно, и дневник ведет. Обязательно попрошу почитать.)

Альфред ГОСИНИ,
французский писатель

САГА О ДЫРКАХ

За чаем жена сказала, что перед летними каникулами наш сын хотел бы сменить экипировку. Я осторожно осведомился, не идет ли речь о покупке мотоцикла с пятью дюжинами фар и особым шумовым устройством, имитирующим старт «Боинга-747», ибо в таком случае мне надо срочно забронировать место в психи-

атрической лечебнице либо записаться в группу добровольцев спелеологов, отправляющихся на полгода в глубокую пещеру.

Жена ответила, что прошлым летом сын был в восьмом классе, а сейчас (неотразимый аргумент!) уже в девятом, что в корне меняет дело.

— Ты же знаешь, какая у них программа! — выразительно сказала она.

Я промолчал, поскольку попытка помочь сыну зимой в написании домашнего сочинения на тему «Комплекс неполноценности у Гамлета и кризис современной семьи» выявил мою полную непригодность к нынешним школьным наукам.

— ...А Жан благополучно кончил класс и даже был первым по физкультуре. Надо купить ему вещь, которая доставила бы подлинное удовольствие, — продолжала жена. — Полагаю, что-нибудь из одежды, выдержанной в молодежных тонах.

В субботу мы отправились с сыном в магазин со странной для торгового заведения вывеской «Во всю глотку». Немолодой продавец в брюках шириной с прилавок и не очень хорошо сидящем парике модели «Людовик XIV» любезно встретил нас. Обращался он главным образом к сыну, поскольку я, очевидно, выглядел неподходяще для магазина молодежной одежды.

— Что пожелаете? — спросил он, фромыхнув поясом с висевшими на нем тяжелыми — по виду из литого чугуна — веригами.

— Джинсы, — обронил мой сын.

— Стиранные? — уточнил продавец.

— Линялые.

— Может, все же новые? — осторожно подсказал я. — Ты не стесняйся...

— Папа, ты ничего не понимаешь! Джинсы должны быть именно линялые!

— У нас наценка на линялость, — предупредил меня продавец, придерживая рукой вериги. — Десять процентов.

Доставать с полки товар он не спешил. Очевидно, необходимы были дальнейшие уточнения.

— С дырками?

— Да, — уверенно ответил сын.

— Сколько дырок?

— Пять!

— Дырки тоже обязательны? — зашептал я не без тревоги.

— Мсье может не беспокоиться, — улыбнулся продавец. — Наши дырки отлично вписываются в модель.

— А на каких... гм... местах дырки в вашей модели? — настаивал я.

— О, мсье! Юрист нашей фирмы провел консультации с полицейским управлением, так что дырки не подпадают под действие закона об оскорблении общественной нравственности. Мы ввели небольшую наценку — пять процентов за дырку — и наносим их ручным способом.

— Неплохой бизнес, — сказал я, подумав про себя, что человеческий мозг далеко не исчерпал себя по части изобретательства.

— Заплаты? — деловито продолжал продавец.

— Обязательно, — сказал сын.

— Заплаты на дырки? — с надеждой встрепенулся я.

— Ну что вы, мсье, — продавец обменялся понимающей улыбкой с сыном. — Дырки сами по себе, а запла-

Рис. В. Чижикова

Девушка. Рубашка у тебя что надо. (Если бы еще сутулился чуть-чуть, совсем симпатичный был бы.)
Парень. Надел, какая была. (Углядела-таки, какая на мне рубашка.)

Девушка. А Жильбера Бекó видел по телику? (Если он сейчас возьмет за руку, не стану выдергивать.)

Парень. Ясно видел. (Не в кино бы я пошел с ней, а на луг или еще куда, где светит солнце.)

Девушка. Потрясно, да? (А ведь он и вправду любит меня.)

Парень. Здорово. (Схватил бы ее на руки и бегом, а она болтала бы маленькими ножками.)

Девушка. И по-моему тоже. (Какой милый, какой разговорчивый сегодня!)

Останавливаются перед кино. Парень, не говоря ни слова, идет в кассу, девушка остается на улице. Парень возвращается.

Девушка. Купил? (Взял и бросил меня одну на улице.)
Парень. А как же! (И чего это она разозлилась?)

Девушка. Рано еще заходить. (Ему и в голову не приходит, как по-свински он поступил.)

Парень. Давай прошвырнемся еще разок. (Этих женщин никогда не поймешь!)

Девушка. Мне все равно. (Убегу сейчас, и все тут.)
Опять бредут по улице, кружат на одном месте, снова возвращаются к кино.

Парень. А что ты делала, пока я покупал билеты? (Жалко, она такая хорошая, но такая скрытная со мной.)

Девушка. Легала! (Он, наверно, толстокожий, потому и не понимает, как мне было обидно.)

Парень. Скажешь тоже. (Думает, сострила.)

Девушка. Ну пошли, пора. (Все-таки любит, бедный, только его еще воспитывать надо.)

Входят в кино. Выходят из кино.

Девушка. Довольно сносно было. (Ой, только бы мама по лицу не догадалась!)

Парень. Да, ничего. (Вот, черт, чувствую, что уши горят.)

Девушка. Проводишь меня? (Надеюсь, не под руку. Совсем глупо было бы.)

Парень. Само собой. (Остановлюсь с ней у парка и, если она действительно любит меня...)

Девушка. У тебя есть расческа? (Хорошо бы мама уже спала.)

Парень. Грязная немножко. (Я сохранил ее на память, эту расческу.)

Девушка причесывается перед витриной, возвращает расческу, они бредут дальше. Подходят к ее дому, останавливаются.

Парень. Ну вот. (И чего я не остановился у парка, тью-фляк несчастный!)

Девушка. Ну вот. (И вовсе не толстокожий, только очень робкий.)

Парень. Ладно, иди учи свою математику. (Я люблю тебя, люблю и всегда буду тебя любить.)

Девушка. Да, а что, трудно было достать билеты? (Сейчас он скажет. Сейчас наконец выдавит то, что я жду уже четыре с половиной дня. Ну скажи же, что любишь, скажи!)

Парень. А, ерунда! Еще на той неделе договорился с директором. (И почему она не скажет, что любит!)

Девушка. Ну, привет. (Господи, какой задавала! Обожаю его!)

Парень. Привет. (Ну вот и все, женюсь на ней.)

Девушка входит в дом, парень поворачивается и одиноко бредет дальше. На углу останавливается, достает из кармана брюк жевательную резинку, кладет в рот. (Жаль, не было еще одной, я бы ее угостил, а так целый вечер сам не жевал.)

И, жуя, небрежной походкой направляется к дому.

Перевела с венгерского Л. ВАСИЛЬЕВА

ты — сами. Они нашиваются на вещь в произвольном порядке... Заплаты текстильные или рисуночные?

Я откасался что-либо понимать.
— Текстовые, — твердо ответил мой сын.

Они с продавцом склонились над грудой тряпочек, на которых были написаны странные фразы.

— «Любовь слепа» — на колено, «Помогите бедному алкоголику» — на задний карман, «Зверей» — на свалку! — где-нибудь на видном месте, — быстро распорядился сын. Повернувшись ко мне, он счел нужным разъяснить: — Насчет алкоголика — это юмор.

— А звери?

— «Зверей» давно пора на свалку!

— Также юмор?

— Какой юмор! Эти бездарности никому не годятся!

Вид у меня, должно быть, вызывал жалость, поэтому продавец пояснил:

— «Звери» — название ансамбля, мсье. Эти музыканты сейчас не всем нравятся, поэтому мы заказали десять тысяч заплаток за них и десять тысяч — против.

Процесс покупки штанов оказался столь тяжелым для меня, что я отошел от прилавка. До меня доносились лишь короткие вопросы:

— Бахрома?.. Отвороты?.. Развороты?.. Пятна?.. Пояс наборный?.. Разборный?..

По стенам висели звериные шкуры неандертальских фасонов. Косматые пряди в целой серии моделей явно подверглись химической завивке. Ничего, успокоил я себя, синоптики обещали жаркое лето, так что шкура, можно надеяться, не понадобится. Не тут-то было!

Табличка на стене гласила: «Молодые, не скрывайте, что вы молоды!» А рядом помещалась зазывная фотография, на которой существа неопределимого (в шкурах) пола гурьбой шли... на пляж. Вот вам и лето!

Я встал таким образом, чтобы прикрыть своим телом фотографию, и взор мой тут же упал на разномастные цепи. Инквизиторы раннего средневековья позеленели бы от зависти при виде подобной роскоши. Цепи были и с мелкими кольцами, и с крупными. На не-

которых красовались шипы — я живо представил себе, как они впиваются в тело. Цепи, как оказалось, можно носить вокруг шеи, опоясываясь ими, приковывать к брюкам. «В пантан» к ним шли железные висюльки, некоторые весьма похожие на пушечные ядра от осадных орудий. Выходило, продавец выбрал для себя не самые тяжелые вериги. Что ж, его нетрудно понять...

Когда сын наконец удалился в примечную кабину, продавец обратился ко мне:

— Молодежь сейчас очень требовательная, мсье. Особенно в нашем, брючном деле. Вчера вот не оказалось нужного текста на заплатках, так двое лицестов сказали, что отправят письмо Сартру — мы, мол, подавляем личность! Я на всякий случай заказал эту формулу — «Не подавляйте личность!». По-моему, должна пойти, как вам кажется?

Я согласился. Должна пойти. Особенно если она будет красоваться с тыльной стороны ниже пояса.

Перевел с французского Б. ТИШИНСКИЙ

Главный редактор А. А. НОДЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, В. Д. ОСИПОВ, Б. А. СЕНЬКИН, С. А. ЧИБИРЯЕВ.

Худож. редактор О. С. Александрова
Оформление В. Д. Грызлова
Техн. редактор В. Н. Савельева

Ар
Те
Пе
ж
Ср
Фс
45
Ти
М

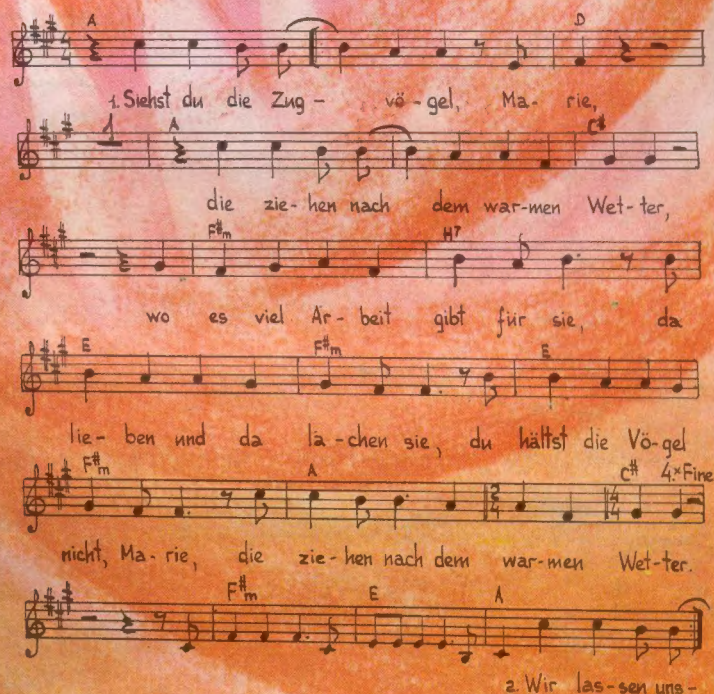
ПЕСНЮ, КОТОРУЮ МЫ ПОМЕСТИЛИ В ЭТОМ НОМЕРЕ, СЛОЖИЛИ РЕБЯТА ИЗ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, СТУДЕНТЫ ДРЕЗДЕНСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. А ИСПОЛНИЛИ ОНИ ЕЕ НА IV ФЕСТИВАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕСНИ, КОТОРЫЙ СОСТОЯЛСЯ В БЕРЛИНЕ В ФЕВРАЛЕ ЭТОГО ГОДА.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ЭТОМ АНСАМБЛЕ. В НЕМ 30 ЧЕЛОВЕК, ЭТО СВОЕГО РОДА АГИТБРИГАДА, ВЫСТУПАЮЩАЯ С ПЕСНЯМИ И ТЕАТРАЛИЗОВАННЫМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ГДР, В СЕЛЬСКИХ КООПЕРАТИВАХ, В ШКОЛАХ. СУЩЕСТВУЕТ ОН ДВА ГОДА. ТЕМЫ ПЕСЕН ЧАСТО РОЖДАЮТСЯ ВО ВРЕМЯ ПОЕЗДОК СТУДЕНТОВ, ИХ НАПИСАНО УЖЕ БОЛЕЕ ДВУХ ДЕСЯТКОВ. ПРИЧЕМ ВСЕ ВЕЩИ ДЕЛАЮТСЯ С РАСЧЕТОМ НА УЧАСТИЕ ЗРИТЕЛЕЙ. «ПЕСНЯ ХОРОША, ТОЛЬКО КОГДА ЕЙ ПОДПЕВАЕТ ЗАЛ», — ГОВОРIT РУКОВОДИТЕЛЬ АНСАМБЛЯ.

ИТАК, АНСАМБЛЬ ДТУ — ДРЕЗДЕНСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Rote Lieder

4. Festival des politischen Liedes
Berlin 10.-16.2.1974

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

СЛОВА БЕРНДА РУМПА МУЗЫКА ЮРГЕНА МАГИСТЕРА

РУССКИЙ ТЕКСТ ВЯЧЕСЛАВА КУПРИЯНОВА

Ты видишь в небе перелетных птиц?
Они летят за солнечной погодой.
И не спугнуть их легких верениц,
Как не спугнуть улыбки с наших лиц
И не удержишь перелетных птиц.
Они летят за солнечной погодой.
От целины до новой целины
Мы так же полетим с тобой, Мария,
В просторы небывалой тишины,
И будут там моторы выключены.

Wir lassen uns auf brachem Land, Marie,
auf weithin brachem Lande nieder
und stehn im Dreck bis an die Knie
und machen's urbar so für die,
die dann am Schaltknopf stehn, Marie,
und lassen's stehn und ziehen wieder.
Was bleibt noch, wenn wir ziehn, Marie,
aufgeschauhtes Dorf und Kinder,
die mal gross sind, ziehen sie
also wie wir morgen früh
baun ein schönes Land, Marie,
s. genug für ihre Kinder.
Im, es ist Zeit für uns, Marie,
hat die Arbeit nun ein Ende,
Lichter brennen heller, sieh,
inter feiern Richtfest die,
morgen dorthin ziehn, Marie,
Arbeit ist für ihre Hände.

Индекс 70781

Цена 20 коп.